

(л. 229–230)

День четвертый
8 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

Председатель

Слово для внеочередного заявления имеет тов. Никольский.

Никольский

Я позволю себе задержать внимание совещания на 3 минуты, чтобы сделать внеочередное заявление по следующему поводу: в процессе прений по первым трем теоретическим докладам оказалось, что в Президиуме недостаточно полно представлены все течения, имеющиеся на конференции. Мне представлялось бы более целесообразным в интересах деловой работы ввести следующих представителей: проф. Городцова¹ от московской археологической школы, нашего уважаемого докладчика по методам полевой работы проф. Куфтина от антропологической школы, затем нашего “Enfant terrible”² тов. Аптекаря ввиду того, что он отвергает право на существование этнографии как науки, его необходимо запрячь в хомут трудовой работы по организации теоретического обоснования нашей науки и как крайне левого нигилиста тоже включить в Президиум.

Акуляни³

Позвольте назвать также имя профессора Кагарова, о работах которого вчера как раз говорили.

Председатель

Президиум совещания обсудил поставленный вопрос и со своей стороны находит удобным изменять состав Президиума в процессе работы, тем более что состав Президиума на течение работы повлиять не может.

(Вопрос ставится на голосование, и большинством голосов принимается предложение Президиума.)

Председатель

Тогда позвольте перейти к повестке дня. Слово для доклада имеет В. Г. Богораз-Тан.

¹ *Городцов Василий Алексеевич* (1860–1945) — российский советский археолог. Возглавлял археологическую секцию Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) с момента ее организации в 1924 г. Несколько лет руководил Археологическим отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР.

² Фраза «ужасное дитя» используется как синоним невоспитанности.

³ *Акуляниц Абрам Никитич* — этнограф, сотрудник КИПС, специалист по Кавказу.

(л. 231) **В. Г. Богораз-Тан** «Стационарный метод в полевой этнографии»

Мой доклад является докладом по практической линии. Однако, быть может, будет уместно сказать несколько слов и по линии теоретической. Я ставлю себе в некоторую заслугу, что почти не участвовал в нашем двухдневном коллективном сражении с «драконом». Я не говорил по докладу тов. Аптекаря. Впрочем, не ясно кто, собственно, является драконом. С одной стороны, выступали очень дружно, кто с дубьем, кто с ружьем, против тов. Аптекаря, а с другой стороны, тов. Аптекарь нередко сам выступал как Георгий Драконоборец, стараясь раздраконить всю нашу этнографию. Тов. Аптекарь говорил о единстве нашего настроения, о единстве спектра. Мне это единство не представляется столь очевидным. Если сравнить этнографию со спектром, то на правом конце этого спектра есть ультрафиолетовые лучи, правда невидимые, но все же действительные, а на левом конце — красные. Эти лучи длинные (скажем, длиннословные), но они не очень эффективны. Как бы то ни было, после этих трехдневных споров мы, этнографы, все не можем решить, упразднили нас или нет, существуем мы или не существуем, и не должны ли мы себя чувствовать как чеховский майор, который не знал, существует он или нет.

Я, впрочем, еще в первом своем выступлении сказал, что если мы действительно дошли до порога метода исторического материализма, то все-таки этот порог мы еще не перешли, метода этого мы еще не имеем. Мы не можем его получить в порядке директивном, а должны его прорабатывать шаг за шагом на нашем собственном материале. Эти три дня прений являются полным доказательством того, что мы описали полный круг и вернулись или почти вернулись на прежнее место. Я считаю, что мы эти прения должны были вести, чтобы выработать пути применения нового метода к нашей науке. Мне кажутся все-таки наивными запросы некоторых молодых ленинградских товарищей, которые говорят: «Научите нас применять этот метод». Никто этого указать ни вам, ни нам не может. Мы сами должны это проработать, сами должны научиться этот метод применять. (л. 232) Заодно я должен несколько опровергнуть утверждения тов. Винникова о том, что западная этнография зашла в тупик и вопиет об избавлении. Ссылка на патера Шмидта с его Божьей волей нимало не убедительна. Я нахожу, что мы вообще слишком много говорим о патере Шмидте.

Я только что вернулся из-за границы, где бывал на разных совещаниях этнографов¹, в том числе на некоторых прямо огромных по количеству

¹ Скорее всего, В. Г. Богораз имеет в виду XXIII Международный конгресс американистов в Нью-Йорке, который состоялся 17–22 октября 1928 г., на нем он сделал несколько докладов, а в кулуарах этого конгресса проводил совещание с Францем Боасом о продолжении экспедиционного сотрудничества между американскими антропологами и советскими этнографами. Одним из результатов этих переговоров стала отправка молодой аспирантки Юлии Аверкиевой в США на стажировку и для проведения полевой работы.

докладов и по числу участников. И никто об избавлении не вопиял. Америка — страна архибуржуазная, но экспедиции там буйно развертываются при изобилии средств. В Америке вообще много богатств материальных, но, конечно, распределение этих богатств нелепо и нецелесообразно. И в это распределение богатств мы, быть может, могли бы внести свой голос, в том числе, конечно, в распределение богатств этнографических. С другой стороны, надо сказать, что на международном совещании по плановому изучению Севера иностранцы, желающие непременно проникнуть на нашу территорию, в виде аргумента показывали мне этнографическую карту северной Сибири и спрашивали, когда мы ликвидируем эти белые пятна, они желали бы непременно нам помочь. Мне, как делегату СССР, пришлось стоять довольно непримиримо на той позиции, что мы эти пятна ликвидируем сами в ближайшем будущем и отчасти уже ликвидировали. Такое заявление нас ко многому обязывает.

В Нью-Йорке после 23-го конгресса американистов у нас было другое международное совещание с участием специалистов по вопросу о культурных кругах с участием Копперса (ученика и преемника Шмидта), но он не играл особо выдающейся роли, Гордон Чайлда¹ и других. Каждый из них строил особые «культурные круги».

Глава американских этнографов занял положение скептическое и всех опровергал². В западной этнографии надо отменить неуклонно растущее стремление к укрупнению районов и составлению новых расширенных групп, этнических и культурных. С другой стороны, совершенно верно, что они на Западе являются эмпириками и скептиками, в том числе эмпирическими являются такие школы Гребнера и Фойя, они не могут найти ни общего критерия, ни метода для изучения этих районов. Этот метод мы должны найти и применить к обширному имеющемуся материалу. Но я не знаю, нужно ли мне говорить о методе, так как мне пришлось бы говорить и о том биологизме, в (л. 233) котором весьма несправедливо упрекают не только меня, но и всех ленинградцев. Так, например, Петр Федорович в своей последней статье говорит следующее: «Подготовка этнографов производится на этнографическом отделении геофака Ленинградского университета, где в основе преподавания лежит преимущественно есте-

Вместе с тем характер отношений между советской и американской антропологией в этот период был непростым. Подробнее см.: *Kan S. A. My Old Friend in a Dead-end of Empiricism and Skepticism*: Bogoras, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the Late 1920s — Early 1930s // *Histories of Anthropology Annual*. 2006. Vol. 2 / Ed. by R. Darnell, W. Frederic Gleanch. P. 33–68 (русский перевод: *Кан С. Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х — начале 1930-х годов* // *АФ*. 2007. № 7. С. 191–230).

¹ *Вир Гордон Чайлд* (1892–1957) — британский археолог и историк, автор многочисленных трудов по археологии и древней истории Европы и Востока.

² Очевидно, имеется в виду Франц Боас.

ственно-научный подход, и на этнографическом отделении этнофака Московского университета, где это преподавание базируется на социальных науках и лингвистике».

Я не знаю, почему Петр Федорович так империалистически захватил себе лингвистику. У нас вообще полевая работа, как будет видно из моего доклада и как известно из нашей практики, а не только из нашей программы, построена на лингвистике. Я не чувствую себя виновным в применении биологического метода, тем более что мы, как я уже сказал, ищем нового метода и действительно хотим его найти. Я не знаю, как можно отрицать огромное значение, которое имеют в этнографических фактах естественно-научный, географический и биологический элементы. Мы тут перекликались с тов. Маториным относительно зоополитикон¹. Тов. Маторин утверждал, что он говорил политикон, а я — зоо. Я говорил и то, и другое. Не знаю, как можно отказываться от зоо. Человек — действительно животное, зверь и даже гад. (Смех.) Современный человек в культуре это явно демонстрирует.

Или взять, например, технически-хозяйственный ареал, технически-хозяйственные приемы или, скажем, классы. Известно, что первые классы были возрастные, половые. Затем классы «М» и «Ж» превратились в производственные группы, это процесс очень длительный.

Теперь о стыке общественных и естественных наук. Петр Ф[едорович] оттолкнулся от этого стыка, как от забора. Но это не забор, а постепенный переход. П[етр] Ф[едорович] возводит первобытные народы в звание исторических. Я вижу этнографические пережитки, широкие этнографические пласты в так называемых культурных народах. Этнография охватывает широкую область перехода человеческого рода к роду зоологическому. Эта область огромная, и чем дальше мы уходим в глубь, назад, тем сильнее влияние естественных условий (л. 234) на человека. С рождением культуры человек изменяет эти условия. Культура есть воздействие человека на естественные условия, на окружающую природу, активное их приспособление для своих потребностей.

Кстати сказать, тов. Аптекарь цитировал мою книгу не совсем точно. Я не говорил о разных культурах. Вот почти буквальная выдержка: «Культура человека является по существу единой, но изучение ее можно производить по различным методам, по различным отделам и с различных точек зрения»². Наряду с этим я говорил с формальной точки зрения о методе графическом. Распространение культуры на Земле — это явление линейное. Земля — геометрическое тело; культура — график замкнутой геометриче-

¹ Зоо политикон (греч. «общественное/политическое животное») — аристотелевское определение человека.

² Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М., 1928. С. 45.

ской линии, части поверхности. Распространение культуры происходит в таком же порядке, как распространение физических сил, электрического света или тепла, — от центра к периферии. От такого формального подхода никуда не уйдешь.

Откуда вообще такое недоверие к естественным наукам? Тов. Толстов высказался довольно определенно: «Мы не можем ждать, пока вы с вашим методом придете к тому же результату, к какому пришли мы с методом исторического материализма». Я не знаю, зачем исторический материализм противопоставлять естественно-научному материализму. Я считаю, что они почти совпадают, и в практических вопросах мы говорим на одном и том же языке. Если угодно, примените так наз[ываемый] биологизм как преддверие к методу исторического материализма. Раз мы метода исторического материализма еще не имели, то единственный метод, который могли и должны были иметь, — это метод научного материализма. Тов. Аптекарь признал, что этот метод применяется нами или многими, не знаю, как сказать, в порядке определения отприродных элементов. Конечно, отприродных элементов лучше, чем надприродных.

После этого предисловия я перейду к докладу. Темой моего доклада является «Стационарный метод в полевой этнографии». Во избежание недоразумений я должен указать, что в практической полевой этнографии есть, очевидно, три метода: стационарный, экспедиционный долговременный и экспедиционный кратковременный.

(л. 235) Стационарный метод имеет, в свою очередь, две разновидности: стационарный метод научный и стационарный метод культурный. Мы признаем, что в нашем настоящем положении полевой метод не вырабатывается на бесконечно долгое время. Сейчас в этнографии должен быть метод культурный, метод сближения научной работы с работой культурной. Так в практике возникает бесчисленное количество недоразумений. Например, мы обсуждали вопрос, что такое двухлетняя экспедиция. Русский язык дает возможность ее понимать как экспедицию, продолжающуюся два года, и как экспедицию, продолжающуюся два лета. Но, конечно, мы понимаем два года. Тезисы, которые я зачитаю, они чрезвычайно простые, но и с удовольствием отмечаю, что эти тезисы вошли в обиход. Эти тезисы являются результатом нашей пятилетней работы, они были проработаны нашим семинаром и сложились в виде этой программы, опубликованной в прошлом году¹. Конечно, программа весьма несовременная, это только первый опыт. Тем не менее я считаю долгом подчеркнуть, что это не мое индивидуальное творчество, а результат работы нашей ленинградской полевой этнографической школы.

¹ Макарьев С. А. Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР. Л., 1928.

«1. В условиях СССР полевая работа этнографа должна непрерывно сочетаться с культурно-общественной работой. Такая работа существенно необходима среди многоплеменного состава СССР, в особенности среди культурно отсталых народностей. Этнограф нашел широкое применение своим знаниям: учитель с этнографическим образованием, секретарь сельсовета, уполномоченный по туземным делам, инструктор, кооперативный работник, музейный работник получают большое применение в отдельных туземных районах, в особенности в районах Севера. Этнограф со знанием языка и быта туземцев, являясь культурно-общественным работником, приобретает исключительное доверие туземцев. Он получает доступ к самым сокровенным, часто неожиданным материалам.

2. Научная работа этнографа получает углубленность на основе культурно-общественной работы. Такая научная работа требует большой длительности. Культура каждой этнической (л. 236) группы представляет сплошной культурный комплекс, изучение которого невозможно без длительного стационарного подхода. Метод стационарного исследования включает как главный момент комплексное изучение методических разделов материальной, социальной и духовной культуры.

Статические элементы материальной культуры, как пища, жилище, одежда, не могут являться главным предметом изучения. Необходимо изучение трудовых производственных процессов и их отображений, духовных (в частности, религиозных) и социальных. Производственные процессы имеют циклический характер, поэтому существенно необходим годовой цикл изучения. Принимается так наз[ываемый] этнографический год — два лета и в промежутке одна зима, для того чтобы по возможности удлинить изучение, а также потому, что летние производственные процессы интенсивнее и важнее зимних».

Мы считаем необходимым, чтобы перерыв был не меньше, а иногда даже большей длительности, чем изучение, потому что в полевой этнографической работе повторность имеет громадное значение и весьма реальное применение. Я хочу здесь отметить такой факт. При всем нашем глубоком изучении Севера мы проглядели целую культуру, а именно — культуру оленеводческую, существующую на западе от Енисея у остяков, самоедов, культуру оленеводчества без пастушечьей собаки, имеющую оригинальные подробности. Между прочим, на основании новых материалов я попытался установить новую систему распределения оленеводчества с семью разделами. Это был один из моих докладов на конгрессе американистов.

«3. Следует особо отметить специализацию женщин и мужчин-этнографов. Женщины-этнографы необходимы для изучения женщин в особенности там, где женщина порабощена и даже не показывается чужому мужчине. В этих условиях равно необходима женщина-врач, женщина-антрополог и женщина-исследователь туземного быта и брачных отношений».

(Я приведу факт в доказательство того, что наша наука еще только складывается: несмотря на наше пристальное, настойчивое и постоянное изучение Севера, вопрос об изучении женщин был поставлен только этой зимой в Москве, и поставлен не учеными, а группой партийных работников как задание для нас. И действительно, это задание чрезвычайно необходимое.)

(л. 237) «4. Нельзя быть этнографом без работы в поле. Работа только по литературным источникам, по цитатам чужих исследований, при всем ее значении важности, нередко складывается в неразборчивую этнографическую компиляцию типа Летурно¹ или приводит к дедукции. Без полевой работы создается отрыв от этнографической базы, рождение научных суеверий — каково знаменитое суеверие о где-то существующем первобытном языке с тремястами словами или другое суеверие о народах, не знающих добывания огня».

Конечно, изучение музейной литературы отдельных народов необходимо для подготовки этнографов. Через полевую работу мы пополняем литературу, и мы должны ее знать, знать всех наших предшественников. Для студенчества у нас полевая практика иная (об этом будет особый доклад), мы не можем требовать от них такой продолжительной практики, которую мы выставляем, как правило, для работы полевой исследовательской.

«Этнография — это наука об этнических группах, а не о записях, к ним относящихся. Полевая работа в особенности необходима для исследования народов полуизученных или совсем неизученных. Также среди культурных народов имеются группы, подлежащие полевому изучению этнографа. Таковы земледельцы глухих районов, пастухи, лесные кустари, сплавщики леса. Такой же характер имеют и городские элементы: сезонные рабочие, беспризорные, преступники, нищие. К той же категории малообследованных групп надо причислить городские обособленные группы, национальные и социальные. Таковы айсоры, цыгане, различные сектанты и т.д.»

Можно поставить вопрос об этнографическом подходе, об изучении других социальных групп, более культурных, но это завело бы нас очень далеко и отвлекло бы от темы, которую я здесь ставлю.

«5. В своем историческом развитии полевая этнография прошла две стадии: любительскую и научную. Любительская стадия полевой этнографии относится к XVIII и отчасти XIX в. Работали в поле странствующие миссионеры, чиновники, исправники, офицеры-завоеватели или офицеры-разведчики, (л. 238) странствующие торговцы. Отсюда возникло весьма неосновательное представление о зверстве и грубости первобытных людей,

¹ *Летурно (Letourneau) Шарль* (1831–1902) — французский этнограф-эволюционист и социолог, президент Парижского антропологического общества, профессор истории цивилизации в Антропологической школе (с 1885 г.).

о ничтожестве их культуры, о варварстве культуры инородцев, даже о грубости крестьян и рабочих».

С другой стороны, есть много хороших научных работ. Мы должны упомянуть основоположников лингвистики — великих Штеллера¹ и Кастрена XVIII и XIX вв. Однако нужно указать, что между элементами изучения лингвистики и этнографии всегда было расхождение. Можно указывать на исследователя Потанина², производившего многолетние работы среди монгольских народностей без знания языка, или Б<...>, основоположника якутской лингвистики, который произвел основные записи, не выезжая из Петербурга, при помощи У<...>, приехавшего из Якутской области в Петербург³. Даже у Кастрена, проводшего в поле всю свою жизнь, основоположника этнографии и лингвистики, даже у него этнография и лингвистика идут перемежающимися квадратами и пятнами, но вместе не сливаются или сливаются в недостаточной степени».

«Начало научного подхода к полевой этнографии возникло в связи с другими научными дисциплинами. Возникли совмещения, такие как естествоиспытатель и этнограф; географ и этнограф; антрополог и этнолог. Однако во всех сочетаниях этнография представляет только побочное изучение. С конца XIX в. и в особенности в XX в. полевая этнография развивается как особая специальность».

«б. Изучение культурного комплекса этнической группы невозможно без знания языка. Работать в поле без языка совершенно невозможно. Однако до сих пор выдвигаются попытки “немного комплекса”: археология, антропология и т[ак] н[азываемая] материальная культура музейного типа, то есть регистрация видимых предметов без объяснения словами. Создается опасная психология у самого исследователя, дилетантский подход, невольное презрение к данному народу, вульгаризация работы. Такими же недостатками страдают нередко и более краткие экспедиции музейного характера для собирания вещей. В результате собираются вещи: а) по культу, б) по оружию и в) по народному платью, как будто бы люди только молятся, сражаются и наряжаются. Собираются разрозненные (л. 239) предметы материальной культуры. Однако выражение трудо-

¹ Штеллер (Стеллер) (Steller) Георг Вильгельм (1709–1746) — российский ученый немецкого происхождения, выдающийся натуралист и путешественник, адъютант натуральной истории Петербургской академии наук (1737). Участник Второй камчатской экспедиции под руководством В. Беринга. Ему принадлежат такие труды, как «Путешествие от Камчатки к Америке вместе с капитан-командором Берингом» (1793) и «Описание земли Камчатки» (1774).

² Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — русский путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь Сибири и Центральной Азии.

³ По-видимому, Богораз имеет в виду Отто фон Бётлингка (Otto von Böhtlingk) (1815–1904) — российско-немецкого филолога, индолога и санскритолога, а также автора трехтомной работы «Язык якутов» (СПб., 1849–1851).

вых процессов в коллекциях музеев требует также годового цикла изучения.

Конечно, археология и антропология имеют огромное значение, но у них есть свой собственный метод. В комбинированных экспедициях лучше всего соединять двух исследователей, имеющих по две родственные специальности: 1) этнограф-лингвист; 2) археолог-антрополог.

Собственное знание языка не может быть заменено работой с переводчиком. Хороших переводчиков вообще не существует. Конечно, переводчик-туземец лучше переводчика-русского, но, в общем, переводчик мешает работать. В результате работа с переводчиком является искажением фольклора, упрощением данных о религии.

Возможен образованный переводчик из местных туземных студентов, но в этом случае переводчик должен явиться этнографом, а приезжий исследователь не нужен. Метод изучения языка требует надежности, точности и глубины. Для языков неизученных нужна двухгодичная работа. Необходимы записи текстов с восточным переводом¹, а также с литературным переводом, грамматический разбор, фразеология, словарный материал».

Исхожу из своего собственного опыта. Моя чукотская работа при всей терпеливости и внимательности все-таки в первый год была только работой подготовительной, и при последующем изложении, в том числе и в новую сводную работу о чукотском языке, опубликованную в [19]19 г. в Америке, эта работа первого года не была введена как излишняя, как представляющая много неизбежных ошибок. Я зачитаю вам собственный перевод одного из чукотских заклинаний: «Что за диво! Твою сердечную жизнь с аортой я потянул, из задницы вытащил, себе взял (как раз из след[ующей/его] его травку или щепку, что-нибудь берут говоря в рукавицу (две такие) вещи помещают). По приходе домой одна должна быть положена в очаг, другая над лампой повешена, завернута в оболочки. Что за диво! Что за диво! Книжку (желудок) вытянул, из задницы вынул, на нос мешком облек. Что за диво! Что за диво! Выученной важенкой делаю тебя. Что же! У рассветного народа мужа ищи. Что за диво, что за диво! Из небесной щели сына принесла. Что за диво, что за диво! Верхушки рассвета народа сына принесла. Что за диво, что за диво! Рассветного народа сына принесла. Что за диво, что за диво! Особых туч сына принесла. Что за диво! На обширной скале... поместил тебя».

(л. 240) Я прочитал этот перевод, мне кажется, тщательно. И я готов держать пари, что никто здесь смысла этого перевода не понял. Нужна большая компетентность, чтобы это объяснить. Так что при помощи переводчика здесь ничего нельзя сделать.

В качестве другого примера приведу чукотскую сказку, которая кончается так: «Ага, я убил ветер». Когда переводят такие концовки, то говорят

¹ По всей видимости, имелось в виду «с подстрочным переводом».

так: <...>, но по сути дело обстоит так: сказка рассматривается как заклинание против ветра, главного врага северной культуры. Таким образом, здесь соединение фольклора и производства. Такую вещь вы можете найти только тогда, когда вы знаете язык и постоянно учитесь. Я сказал бы, что двух лет для этого недостаточно. Нужно посвятить этому делу всю жизнь, как делали великие этнографы-основоположники XVIII и начала XIX в.

«Этнограф-лингвист избирает языки малолитературные или вовсе не имеющие письменной литературы. Например, в родственных группах языков этнограф выбирает вместо персидского таджикский, вместо грузинского — чеченский, вместо финского — суоми, карельский или вепский.

Однако интересы этнографа шире интересов лингвиста. Этнограф включает лингвиста. Этнографический подход к языку и диалекту предполагает подбор этнографического словаря: созвездия, месяцы, системы счета, восприятие цветов, метод выражения отвлеченных понятий, шаманский язык, охотничий язык и т.д. Сюда же относятся топонимика и технические словари. Для языков ассимилированных или гибридных, например для обруселых туземцев Северо-Восточной Сибири, для сибирских протоазиатов, туркизированных или монголизированных, необходимо устранение верхнего слоя языка и тщательное изучение древнейшей подпочвы».

7. «Кроме стационарного метода, возможен также метод экспедиционного изучения, производимого группой ученых, посетивших данную народность для этой цели. При условии долговременности, экспедиционный метод приближается к стационарному и приобретает большую часть его достоинств».

(л. 241) Если будем говорить о работе миссионеров или этнографической работе политических ссыльных, то ее первым достоинством было то, что это была работа долговременная. Поэтому миссионер, при своем неправильном подходе, все же мог дать сведения этнографические в деталях. Кроме того, в работу миссионеров, а особенно в работу политических ссыльных входил другой очень важный момент: они не были нарочными исследователями. Мы приехали туда не как ученая экспедиция, а совсем по другому делу. Мы там должны были жить туземною жизнью, создать материальную базу, научиться охотиться, ловить рыбу, строить дома, рубить лес, косить сено и пр. Именно потому, что мы туда приехали не для этнографии, мы там заняли определенную позицию, материальную и производственно-культурную. Известно, что многие отрасли сибирской культуры, вплоть до политического роста, произошли от политических ссыльных. Именно потому, что мы были культурными и производственными работниками, мы стали действительно этнографами. Мы имели много досуга в течение 10 или даже более 10 лет, а за 10 лет много можно сделать.

Когда я читал лекцию о русской этнографической работе в Америке, я сказал, что мы в нашей практической работе применили пословицу, которая говорит: «Надо съесть с человеком пуд соли, чтобы понять друг

друга», а мы, полевые этнографы, можем сказать: «Надо скормить туземным вшам 2 фунта своей собственной крови, чтобы понять его быт». А пища эта воспринимается очень маленькими порциями. Это означает, для того чтобы изучить культуру, нельзя чуждаться ни невежества, ни грязи, ни голода. Вы должны сами это претерпеть.

8. «Однако даже долговременная экспедиция не вполне соответствует стационарному методу. Научный исследователь, прибывший со стороны, не сливается с народом. Необходима физическая близость, личное восприятие бедности, холода, голода, участие в труде, участие в празднествах. Между тем полевые исследователи, прибывшие со стороны, порой опасаются жить с туземцами и живут отдельно. Отсутствие общего быта мешает работать. Идеалом полевого исследования является работа местных людей, русских и туземцев. Эта работа туземных людей только теперь начинается».

(л. 242) «Более кратковременные экспедиции, летние, полугодовые или четырехмесячные, не должны иметь в современной этнографии широкого применения. Они по необходимости приобретают любительский поверхностный характер. Они, однако, могут быть дополнительными и тематическими для изучения отдельных научных вопросов или повторными после предварительной стационарной работы.

Для восточнославянских народностей, лучше изученных и в среде, более близкой исследователю, при естественном условии знания родного языка возможно более сокращенное время работы. Но, конечно, и здесь стационарный метод является основным и существенно необходимым».

Конечно, надо считаться с финансовыми возможностями, а последние очень часто являются непреодолимым препятствием. Я устраивал и устраиваю ряд экспедиций в нашей Академии наук и разных учреждений, и каждый раз из-за недостатка средств, несмотря на все старания Академии, получается следующее: в прошлом году мы устраивали экспедицию на устье Енисея. Из-за недостатка средств нам пришлось ее устроить на 8 месяцев. Через 8 месяцев нам предстояло или прилететь на аэроплане, или замереть на 4 месяца, или продолжать работу без ассигновок, что очень часто делается. Сплошь и рядом у нас бывает так, что дают ассигновок на 8 месяцев, в то время как одна дорога продолжается 5–6 месяцев. В этом нужно отдать себе полный отчет. Главные трудности — это трудности финансовые и организационные, это линия наибольшего сопротивления полевой работы, но и эти трудности мы должны преодолеть. Мы должны быть готовыми к тому, чтобы покрыть «белые пятна» упорным долговременным трудом. Тогда мы будем иметь право претендовать на средства, достаточные для ведения экспедиций, хотя бы на полуголодном пайке, но чтобы можно было их довести до конца.

(л. 243) «8. Методы работы устанавливаются особо по отделам: а) материальная культура; б) экономика; в) социальная культура; г) духовная культура, в частности область религиозных верований. Изучение ввиду сложности

предмета должно производиться по особо выбранной программе. Упомяну программу Л. Я. Штернберга¹ и недавно вышедшую программу, составленную С. А. Макарьевым² под редакцией В. Г. Богораза, «Полевая этнография».

В изучении материальной культуры отмечу необходимость участия исследователя в трудовых процессах местного населения как полноправного члена. В худшем случае, если физические силы не позволяют, необходимы его постоянные присутствия при работах. Для этого отдела важно применение фотографии, рисунка и чертежа. Для сбора коллекций необходимо установить надлежащую пропорцию подлинных предметов и моделей. В особенности орудия труда должны быть подлинны. Необходимо организовать записи самих туземцев, собирать их рисунки и чертежи, заказывать им модели, но следить за работой с научно-технической точностью.

Для религиозного отображения производственных процессов важно собрать местные указания на связь обрядов и трудовых процессов, сделать подробные записи космогонии и фольклора. Не менее важно участие в жертвоприношениях и производстве заклинаний. Для анализа шаманства необходимо общение с шаманами. Важен подробный систематический анализ чудес и анализ шаманского внушения. Нужно составлять списки наличных шаманов, списки колдунов, колдуний, знахарей и знахарок, сказочников и сказочниц и всех выдающихся людей местного населения. Надо записывать их родословную и их биографию. Необходимо организовывать записи указанных лиц и рядом с биографиями собирать автобиографии, нередко наивные, написанные неумело, но тем более ценные. Самая «плохая» автобиография лучше искуснейшей биографии, написанной исследователем со стороны.

В отделе экономики надо стараться отделить элементы натурального хозяйства от элементов денежного хозяйства; собрать (л. 244) статистические данные о меновой торговле в прошлом и в настоящем и о более новой денежной торговле; о торговле купеческой и кооперативной; данные по статистике обмена города и деревни, русских и туземцев, различных племен между собой; собрать статистические данные о развитии новых трудовых процессов, о замещении скотоводства земледелием, мелкого рыболовства — более крупным рыболовством, разведении заказников и питомников у охотничьих племен. Нужно составить таблицы цен товаров, городских и деревенских, в старые и новые даты, например в 1914, 1919, 1925, 1929 гг. Особо: изучение производства и употребление спиртных напитков, собственных (самогон) и привозных.

¹ Видимо, имеется в виду эта программа: *Штернберг Л. Я.* Краткая программа по этнографии // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1914. С. 212–251.

² *Макарьев Степан Андреевич* (1895–1937) — советский этнограф, выходец из вепсской деревни, помощник В. Г. Богораза-Тана. На основании лекций Богораза составил первый советский учебник по полевой этнографии (1928), который и упомянут здесь.

В отделе социальной культуры ввиду трудности анализа необходимо делать записи серий отдельных фактов по обычному праву, в частности по брачным отношениям и формам, по воровству, убийству, кровомщению, особо по убийству стариков и детей, по праву собственности, коллективному и индивидуальному. Сюда же относится анализ родового быта, системы родства, пережитков так наз[ываемого] «натурального коммунизма». Общность потребления, право на пищу в голодное время, общие пиршества в сытое время принадлежат сюда же.

В анализе классовых отношений нужно отметить классы взрослых и классы половые и их различный производственный характер. Изучить положение женщины, ее порабощение, ее сравнительную свободу. Калым, многоженство. Отметить ширину производственного значения женщины, начиная с работы женщины как вьючного животного до выдающегося значения женщины в создании первобытных ремесел. Следует особо отметить производственные группы по их специализации, каковы горшечники, кузнецы, ткачи. Еще подробнее надо анализировать экономические классы по признаку накопления и распределения богатств. Таковы старшины и торговцы, в частности торговцы чужеплеменные и торговцы одноплеменные; ростовщики, работодатели, богатые собственники, например хозяева стад; особо отметить положение класса шаманов-жрецов, (л. 245) их экономическую силу, собираемую плату, зажиточность, влияние.

В отделе новой советской общественности нужно отметить развитие местных политических и просветительских организаций, например развитие туз-советов и туз-отделов¹ примитивных племен, также кооперативных ячеек и просветительских ячеек, в особенности местных и мелких. Сюда же относится новейшее взаимоотношение бедняков, середняков и зажиточных, раскрепощение женщин. Строительство женского быта и женское участие в строительстве общего быта, взаимоотношение отцов и детей».

Это, в сущности, и есть мой доклад. Это, конечно, только выборки. Я их привел для того, чтобы показать наполнение нашей работы и те разделы, по которым она идет. Эти выборки идут по линии аналитической. Во-первых, потому что это есть учебный подход, взятый нами из семинария, во-вторых, потому что синтез гораздо труднее и его нам предстоит еще сделать. Самая проработка программы произведена у нас более подробно, но даже и эта разработка, которую мы сделали, является еще опытом, нуждающимся в дальнейшем совершенствовании.

(л. 246) **Б. А. Куфтин** «Задачи и методы полевой этнографии»

К сожалению, мне не удалось к сегодняшнему дню заготовить достаточное количество тезисов моего доклада. В интересах тех, кто тезисов не получил, мне придется в своем докладе держаться ближе текста самих

¹ Туземные советы и туземные отделы.

тезисов, так как считаю их чрезвычайно важными, поскольку они касаются основных вопросов этнологии не только полевой, но и этнологической науки в целом ввиду их неразрывной связи.

Задачей моего доклада является не выяснение технических приемов и технической методологии полевой работы, а выяснение тех путей и основ полевой этнологии, которые вытекают из самого существования этнологической науки и из требования жизни и социалистического строительства. Последнее не только направляет отдельные задачи полевого исследования, но и является до известной степени критерием разрешимости, критерием действительной приемлемости основных задач самой науки. Здесь существует постоянная связь. Если научная методология является сама по себе правильной, то совершенно очевидна и практическая ценность результатов, получаемых от работы той или другой науки, в частности этнологии.

Не будучи марксистом, не имея специального марксистского образования, я, конечно, не могу претендовать на то, чтобы выразить основы этнологии в терминах и категориях диалектического материализма. Это, по-моему, является задачей не отдельных научных работников, а может явиться в результате работы целого коллектива. Если мы наблюдали и наблюдаем на нашем совещании целый ряд споров относительно методологии и задач нашей науки, то это показывает, что вопрос о методологии этнологии на основе диалектического материализма еще не выработан. Для выработки его необходим коллектив. Только коллектив с его внутренними противоречиями, которые вполне естественно могут возникнуть, поскольку в коллектив должны войти и этнологи-марксисты, и марксисты-неэтологи, и этнологи-немарксисты, может дать правильную установку для нашей науки. Только в противоречиях рождается истина.

(л. 247) Исходя из этого как бы предисловия к своим тезисам, я подойду уже к рассмотрению самих основных вопросов полевой этнологии. Прежде всего нужно сказать, что этнологическая наука не может быть разрезана по двум линиям: по линии практического собирания материала и по линии его определения [и] научного истолкования, то есть по линии этнографии как науки черновой, собирающей и этнологии как науки белой, истолковывающей собранный материал. Если возможны другие разрезы внутри этнологии, то во всяком случае не по этой линии. Собрание материала вовсе не есть какой-либо механический процесс, это есть процесс научно-исследовательской работы, который является основой этнологической науки, так как материал для нее находится не в кабинетах, не на книжных полках, а находится в живой истории народов, в живом развитии общественных групп и тех различных категорий и формаций, которые связаны с историей человечества. С другой стороны, этнолог, не работающий в поле, не в состоянии часто учесть содержание самого процесса жизни, так как процесс этот является неразрывным, не разбивающимся на

части. Эта неразрывность самого жизненного процесса делает необходимым непосредственное наблюдение его и выработку основных понятий и категорий из самой работы и наблюдений этого исторического процесса на материале, привозимом с поля. Материалы, которые находятся в музеях и библиотеках, уже являются определенно методологически собранными и уже определенным образом разрывают этот процесс по тем или иным понятиям и категориям. Поскольку этнологическая наука, как и всякая, в сущности, наука, вырабатывает свои основные методологические приемы постоянно в истории ее развития, постольку, конечно, для этнолога важно постоянное соприкосновение с живыми объектами жизни, что возможно только через полевую этнологию.

Задачи и методы полевого исследования в области этнологии вытекают из теоретического обоснования самой этнологической науки, причем так, что эта наука исторически сложилась и осознала себя в процессе своего развития и в определенных условиях действительности и жизни и, наконец, потребностей социалистического строительства.

(л. 248) Практические требования и отдельные задачи жизни иногда вклиниваются в общую жизнь того или научного исследования. Это, с одной стороны, процесс неизбежный, но, с другой стороны, эти практические требования не должны влиять на планомерность и определенную углубленность исследовательской работы. Только в том случае, если наука построена на основе правильной методологии, она гарантирует и обеспечивает определенную практическую пригодность своих выводов и своих материалов.

Конечно, этнология является наукой исторической. Изучая отдельные проявления общественного развития и общественно исторического процесса, она строит свои понятия на основе тех категорий, которые вытекают из самого существа самого исторического развития. В этом смысле этнология и ее методы тесно связаны с историей. Изучая различные стороны, вернее различные проявления общественного развития, этнология восстанавливает историю человечества как бы ретроспективно, исходя из тех проявлений исторического процесса, который мы, этнологи, наблюдаем в настоящий момент. Этнология в этом смысле формально отличается от социологии, так как она изучает конкретные формы проявления более общих законов общественного развития. Это необходимо комментировать, чтобы не было недоразумения, так как очень часто этнологию сравнивают с социологией (на этнологическом факультете Московского университета было такое деление этнологии и этнографии, при котором под этнологией понимали социологическую дисциплину).

(л. 249) Принимая во внимание, что этнология формально отличается от социологии, все-таки необходимо подчеркнуть специфические особенности этнологии, материально выделяющие ее среди других социологических дисциплин, хотя бы политической экономии, во всяком случае тех, которые

занимаются формациями вненациональными (классовыми, политическими и пр.) через методологическое преодоление племенных различий. Каждая из этих наук, занимающаяся явлениями и формациями внеплеменными, вненациональными, их, конечно, не игнорирует, а методологически преодолевает, выясняя те внеплеменные, вненациональные формации, которые образуются в историческом процессе. Этнология преимущественно сосредоточивает свое внимание на этногенезисе, изучая историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований и, следовательно, в разрезе формаций этнических, возникающих, бытующих и исчезающих на основе более общих законов исторического развития.

Я и наша школа антропологическая, Московского университета, именно рассматривает основным объектом этнологической науки не отдельные, как бы застывшие статические элементы или метафизически созданные понятия об этносе, племени и т.д., а изучает процесс, процесс определенный, который и называется процессом этногенетическим, то есть процессом образования тех различий, которые мы в обычном нашем понимании называем племенным различием. Этнология изучает процесс образования, то есть сложения на определенных стадиях общественного развития определенной стадии производства, хозяйственных отношений, затем их бытование и дальнейшее разложение. Это чрезвычайно важно установить, чтобы не было опять-таки ряда недоразумений, которые часто проистекают из того, что те или другие категории, выработанные в науке, смешиваются с их словесными определениями. Нужно сказать, что диалектический материализм, изучая процесс исторического развития, выработал в себе определенные категории, и не только определенные категории, но и их словесное обозначение, определения.

(л. 250) Очень часто нам приходится наблюдать, что категории, выработанные на основе научной дисциплины, в частности хотя бы этнологии, по существу являющиеся близкими, а иногда даже тождественными с теми категориями, которые вырабатываются в диалектическом материализме и социологии, но связанные с иным словесным обозначением, понимаются как не имеющие отношения к данным категориям, как категории просто непонятные. Я бы сказал, что проявляется некоторого рода номиналистическая тенденция, как раз в среде диалектиков.

Вопрос об этносе, племени, нации, национальности является до известной степени кардинальным, поскольку этнология изучает этногенезис, в который входит понятие «этнос». Само название «этнология» или «этнография», понятия племени, расы и национальности, все они получили свое определенное оформление как в обычном житейском понимании, так и в истории разработки той или другой дисциплины, в частности антропологии, которая расу может понимать не совсем так, как ее понимает этнология или социология. Я должен указать, что, говоря об общей методологиче-

ской установке этнологической науки, говорю об этносе в общем смысле, как я бы говорил в другом случае о племени, национальности и т.д., то есть не делаю тех специфических различий, которые имеются и которые пригодны как для общежитийского языка, так и для языка научного. Я представляю себе этнос, и нацию, и национальность не как ряд метафизических сущностей, а как определение, помещающееся в промежутке исторического процесса общественного развития, которое само по себе является подвижным и переходит из одного явления в другое, является вполне реальным. Именно эти только и процессы изучает этнология. Чтобы избежать недоразумений, я бы сказал, что этнология, изучая этногенезис, рассматривает его с точки зрения формирования и формаций различных степеней сгущенности, именно момент этнический. При этом мы наблюдаем такого рода явление, что на известных ступенях общественного развития, которые часто называются доэтническими, мы имеем дело с (л. 251) определенными группировками, которые в той или другой степени имеют аналогичный характер с теми, которые позднее оформляются более или менее определенно, с понятиями племени, народности и, наконец, нации как уже определенной совокупности часто племенных или других делений, но уже связанных с высшей формой исторического развития, прежде всего развития государственного и политического, когда мы можем говорить уже о нациях. Но, по существу, мы часто в национальностях можем иметь дело с осколками нации в том смысле, как нация понималась в процессе развития государства докапиталистического и государства Древнего мира, Востока или Греции, где выработывалось понятие о нации, близкое к тому, которое мы наблюдаем в настоящее время. При разрешении этих национальных единств мы имели дело с определенными племенами, которые носили в себе пласты этих национальных объединений. Этнология именно и понимает свои задачи как выяснение всех этих многосложных процессов. В них входит и понятие «раса». Часто расу понимают как определенный физический тип. Тов. Аптекарь выразился таким образом, что раса есть понятие, в основе своей выходящее за пределы истории развития общества, что раса часто связывается теми или другими антропологами с происхождением человека от различных пород обезьяны, что одна раса произошла от африканской породы, другая — от азиатской и т.д. Таким образом, получаются как бы основные расовые различия, которые не могут быть преодолены историческим процессом и на которые даже можно указывать как на такие различия, которые как бы оправдывают борьбу отдельных групп, не классов, а именно национальностей, друг с другом. Хотя такого рода тенденции имеются, в частности, у К[лаач?]¹, но это тенденция отдельных ученых, которые не получили признания и которые, во всяком

¹ *Клаач (Klaatsch) Герман* (1863–1916) — немецкий антрополог и анатом, один из создателей теории полигенеза.

случае, не имеют отношения к этнологии, которая стоит на точке зрения моногенетического развития человечества. То, что этнология не рассматривает расу как чисто физический тип, является чрезвычайно существенной частью единения ее [с] антропологией и дает возможность найти более правильные пути понимания того, что является расой. Раса есть формация общественного порядка, а не естественного в том смысле, что само появление расы невозможно без определенных явлений изоляции, то есть (л. 252) одними биологическими законами раса объяснена быть не может. Иногда есть тенденция в антропологии понимать расу как явление непосредственной функции определенной климатической зоны или тех или других географических областей. Такого рода взгляды не разделяются всеми, и прежде всего антропологической школой Анучина¹. Эта школа считает, что раса есть формация общественная, возникшая не при условиях географической изоляции, а прежде всего изоляции общественной, внутри которой только и возможно было образование при определенном хозяйственном уровне и при определенной идеологии тех разновидностей и форм, которые мы наблюдаем в человеческих расах в настоящее время. В этом смысле раса является формацией этнической, этнологической, именно постольку, поскольку она выражает наиболее древние формы тех этногенетических процессов, которые привели к тому или другому чисто расовому облику.

В процессе дальнейшего развития человечества мы наблюдаем как процессы постепенной денационализации этнических групп, так и процесс расового смешения, который особенно сильно проявляется в настоящее время, хотя ему часто противостоят определенные идеологические представления, как борьба рас в Америке, вопрос о неграх. Таким образом, можно сказать, что мы имеем дело с различными этническими формациями различной древности, различной уплотненности и даже в значительной степени различной наполненности тем или другим комплексом проявлений общественной жизни. Точных границ мы тут никогда не проведем. Я не мог согласиться с положениями, высказанными Преображенским, который, определяя этнологию, делал упор на технико-хозяйственный ареал, а с другой стороны, даже иллюстрировал, как бы графически представляя себе, что этнология не может покрыть поверхность земного шара такого рода технико-хозяйственными ареалами. Все дело в том, что поскольку является наукой исторической, поскольку она изучает процессы исторические, никакого постоянного покрытия земного шара теми или другими границами технико-хозяйственного ареала быть не может.

¹ *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843–1923) — известный русский географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед. Создатель московской (анучинской) школы в этнографии. На совещании 1929 г. среди представителей московской делегации было немало его учеников.

(л. 253) Напротив, если говорить о такого рода графическом представлении, то приходится указать, что этнология имеет дело не с одними планами покрытия земного шара определенными ареалами, площадями и границами, а имеет дело с постоянно перекрещивающимися в самых различных направлениях планами, в которых формации более древние покрываются более новыми при несовпадении границ. Мы знаем, что границы расовые не совпадают с языковыми, а те и другие не совпадают с технико-хозяйственными ареалами. Мы постоянно видим перекрещивание, которое есть не что иное, как простой исторический процесс, который призвана изучать именно этнология. Здесь необходимо учитывать углубленность и текучесть процесса исторического развития человечества. В 5-м тезисе я об этом и говорю: «Таким образом, целый ряд формаций по происхождению этнических становится интернациональным независимо от своего содержания. Таковы в большей своей части формации расовые, эргологические да и вообще культурные, за исключением языка, который в наибольшей степени остается национальным определителем».

Я говорю «за исключением языка» условно. Дело в том, что язык в сильной мере является национальным определителем в настоящий момент. Но он, может быть, являлся национальным определителем в смысле самой конструкции понятия «этнос», если в понятие «этнос» вводить комплекс понятий языковых, хозяйственных производственных, идеологических и др. Здесь язык является как бы более ярким определителем, как мы его обычно в жизни понимаем. Но нужно сказать, что яфетическое языкознание, открывающее особые пути к пониманию развития языков, оно открывает пути выяснению процессов денационализации, гибридизации, взаимного приспособления языков, стремящихся к единству. Яфетическое языкознание, которое глубоко реформирует те установки, которые до него развивались в различных направлениях и в то же время открывает пути для понимания этногенетического процесса, не только не противоречащего этнологии, но воспринимающего в себя те положения, которые, по существу, в этнологической науке. Нужно сказать, что в самой истории развития яфетического языкознания мы (л. 254) имеем дело с выработкой понятий, которые постоянно меняются. Н. Я. Марр учится на своих собственных ошибках и противоречиях. Он в этом постоянно сознается — и здесь залог дальнейших успехов. Беря первоначальные племенные понятия и понимая их слишком реально, он приходит к тому, что таких понятий не существует. Это есть процесс вхождения в языкознание моментов, выработанных этнологической наукой, понимающей свой объект в смысле этногенетического процесса, то есть постоянного образования различного рода формаций, которые материально часто выражены различно. Так, например, расовая формация материально выражена в человеческой расе; формация лингвистически языковая является тоже этнической формацией, но

с материалом языка. Наконец мы может говорить об эргологической формации в смысле материальной культуры. Мы будем иметь дело с формациями, имеющими различный материал. Об этом говорит 6-й пункт моих тезисов: «В разрезе этногенетическом этнология проявляет свою неразрывную связь с антропологией, которая, являясь наукой биологической по своему материальному содержанию, имеет дело в большей степени с формациями общественными, в которых законы биологические и естественные трансформированы и специализированы».

Это чрезвычайно важный момент, поскольку очень часто идет спор совершенно необоснованный о том, можно ли соединять этнологию с антропологией на одном факультете или на одной кафедре, говорят о том, что это соединение ведет к биологизации этнологии. Здесь идет процесс как раз обратный: соединение антропологии с этнологией при правильной методологической установке ведет не к биологизации этнологии, а к социологизации антропологии. Ввиду того что антропология действительно имеет дело с определенными общественными формациями, то было бы неправильно объединять ту или другую антропологическую категорию с точки зрения биологических законов. Например, дарвиновская борьба за существование не покрывает тех более сложных исторических процессов общественного развития, которые имеют место в создании тех или других антропологических формаций. С этой точки зрения, отделение расовой антропологии от этнологии отрывает от последней необходимые звенья, так как, если мы оторвем антропологию от этнологии, мы тем самым не сможем учесть целый ряд древних общественных формаций в общем ходе исторического развития и в общем ходе генетического процесса. И обратно, если мы оторвем этнологию, мы обрекаем (л. 255) антропологию на возвращение ее на одну из зоологических дисциплин, что совершенно невозможно. Это необходимо учесть для того, чтобы учесть, как мы понимаем отношение этнологии к антропологии и наоборот.

В столь сильной степени, как этнология связана с антропологией, но по совершенно иному разрезу, этнология связана с археологией. Археология изучает в сущности тот же процесс, но по материалу, который с первого взгляда как будто лишен своего специфика, связанного с этногенезисом. Но поскольку самый процесс возникновения определенных производственных, общественных групп, производственных коллективов выявляется самой археологической наукой на ступенях древнейшей истории человечества, постольку археология в своем целом всем своим материалом примыкает к общему числу антрополого-этнологических наук, опять-таки понимая эти науки широко, как часть всемирной всеобщей истории. Очень часто среди археологов возникает недоразумение на той почве, имеет ли археология действительно связь с этнологией или антропологией, не связана ли она с историей. Конечно, связана: но поскольку

этнология и археология рассматриваются как исторические дисциплины, как часть всеобщей истории человечества, постольку археология тесно связана и с этнологией, и с антропологией.

Когда археолог интересуется расовыми типами погребения, костями тех или других форм домашних животных, которые, конечно, являются следствием определенного общественного развития человека, так как домашние породы появляются в связи с определенной идеологией на той или другой ступени общественной жизни, то этот археолог приходит к материалам этнологии. Отрыв этнологии от археологии делает выводы этнологии часто теоретическими, отнимая от нее конкретные памятники культурного развития в прошлом. Но и археология без этнологии становится бессильной в выполнении задачи выяснить механику процесса развития человечества в реальном многообразии его культурно-племенных проявлений. При этом связь этнологии и археологии не является чисто механической, а обе науки органически едины.

(л. 256) **Председатель**

Я попросил бы докладчика перейти конкретно к части своего доклада, так как время уже истекло.

Куфтин

В таком случае мне придется остальные тезисы зачитать без комментариев.

«8¹. Объектами этнологической науки, таким образом, являются следующие реалии, племенные и внеплеменные» (я условно называю их реал[и]ями, так как подразумевается, что наука должна заниматься реал[и]ями. Но если отдельные перечисленные категории не вполне соответствуют тем реал[и]ям, которые будут созданы в дальнейшем процессе развития этнологической науки и ее методологии, то это не исключает самой постановки вопроса). «К первым относятся национальные группы, их языки и идеология, а также чисто национальные пласты в их антропологическом строении (физиогномическое, психологическое своеобразие, общественно-биологические свойства) в хозяйственно-бытовом укладе и социальном строе. Ко вторым — расовые типы с их биологическими особенностями (способностями акклиматизации, ассимиляции, биологической стойкостью или, наоборот, слабостью), орудия и техники труда, хозяйственно-бытовые формы географических зон культурно-исторических провинций».

Под культурно-историческими провинциями я отчасти понимаю то же, что Гребнер — под своими культурными кругами. Опять-таки повторяю,

¹ Такой счет приведен в тексте стенограммы.

что эти реалии являются неизменными, но самое их наполнение будет иметься в истории развития науки.

«Если изучение первых требуется практическим строительством многонационального Советского Союза, изучение вторых тем более имеет значение как изучение производительных сил для рационального построения хозяйства страны и сознательного воздействия на его развитие».

Этим ограничиваются мои общие тезисы, и отсюда мы переходим к вопросам полевой этнологии.

«9. Этими общими положениями определяются задачи и приемы научно-исследовательской работы, многообразной по существу самого материала этнологической науки. Задачей полевого исследования является раскрытие культурных формаций и их генезиса в пределах или отдельного племенного образования, или группы родственных по языку или культуре племен, или отдельной территории с характерным хозяйственно-бытовым обликом и исторической судьбой, или, наконец, расового образования. Необходима спецификация приемов и исследователей. Прежде всего надо различать краеведное изучение силами края и представителями самой национальности, связанной языком и бытом с данным краем, но непрофессионалами науки, и изучение представителями центральной науки.

10. Краеведное изучение непрофессионалами науки, но лицами, работающими в близком и длительном контакте с этнографическим объектом, при рационально организованной связи с центральными научными учреждениями дает постоянно накапливаемый материал не только местного, но и общенаучного значения. Собранный в местных музеях, краеведной литературе, рукописях и архивах, а также в живом опыте местных культурных работников, он должен быть в первую очередь использован этнологом, приступающим к работе в данном районе. Особенно целесообразным является усиление (л. 257) этнологической квалификации среди лиц, работающих в районах среди культурно отсталых народностей, как то учителей, кооператоров, инструкторов, уполномоченных по туземным делам, и еще более выделение подобных работников из среды самой их национальности.

11. Изучение силами центральной науки отличается от краеведного изучения возможностями использования широкого сравнительного метода и углубления исторических перспектив, а также возможностями более полной координации с общегосударственным плановым строительством. Недостатком его является ограниченность научных сил и невозможность подолгу сосредоточиваться на одном месте. Однако последнее, как сказано, должно восполняться организацией научной связи с краеведными силами. Экспедиционные изучения позволяют различать в себе два основных типа и их комбинацию: стационарное пребывание одного исследователя среди одной народности в продолжение нескольких лет, и более краткосрочные наблюдения народностей и культуры одним или группой специалистов,

и смешанный тип, когда одну народность изучают различные специалисты: один — стационарно, другие — менее длительно — одновременно или разновременно. При этом является важной четкая разработка ставимых задач и координация работ отдельных специалистов.

12. Стационарная работа специалиста среди одной народности в продолжение нескольких лет вызывается, во-первых, задачей полного усвоения бесписьменного и еще малоизученного языка народности, так как без этого невозможно правильное научно-лингвистическое его использование, и, во-вторых, лучшей возможностью за это время исследователю сжиться с изучаемой народностью и более органически опытно проникнуть в ее уклад и идеологию. Весьма желательно в этом случае, чтобы исследователь в своей частной жизни, особенно в пище, труде, сливался с изучаемой народностью и не становился в отношении ее в особое положение, особенно в качестве административного лица, так как это в корне затрудняет работу и лишает материал объективной ценности. Особенно ясно это проявляется при изучении религиозной идеологии, последователями которой являются лица и классы, с которыми ведется административная борьба (например, шаманы, ламы и др.). То же можно наблюдать при изучении семейного уклада при борьбе с многоженством или при введении хозяйственных бюджетов, запрещенных форм охоты и т.д.

13. Стационарная работа исследователя, необходимо по специальности лингвиста, работающего, кроме того, в языках определенной группы, не может исчерпать ни теоретически, ни практически (в настоящих условиях) задач этнологического изучения этнически и культурно сложной страны, так как раскрытие хронологических формаций и их генезиса в пределах отдельного племенного образования группы или территории требует не только знания языка и истолкования самим племенем его культуры, но и широкого сравнительного анализа, возможность которого обусловлена специальной достаточной подготовкой исследователя этнологии не только одной языковой группы, но более обширного культурного базиса. Без широкой подготовки в области сравнительной этнологии, знаний чисто материальных, позволяющих ставить постоянно конкретные задачи, даже долго живя среди чужой народности и зная ее язык, можно многое проглядеть.

14. Широкое этнологическое исследование страны тесно связано с деятельностью этнологических музеев, и невозможно без них, так как сравнительный анализ и сопоставление фактов культуры дают достаточно прочные результаты, если исследуются и сравниваются сами объекты культуры, то есть подлинные памятники, а не только их фотографии, рисунки модели, а тем более описания, которые, как показывает опыт, почти (л. 258) всегда оказываются недостаточными. Отсюда вытекают и вполне определенные требования, необходимо предъявляемые этнологическим

музеям, которые не должны забывать ради целей только просветительных научно-исследовательских задач, так как без этого невозможно будет вообще построение истории народов Союза и нормальное развитие этнологической науки. Этнологические музеи должны при этом честно сознавать, что не этнологическая наука находится на служении у музеев, но что музейная этнология является органическим продолжением этнологии полевой и связана с ней одними научно-исследовательскими задачами. Правда, некоторые специфические задачи музея как учреждения просветительного могут ставить перед научно-исследовательскими этнологическими экспедициями и некоторые особые практические задачи.

15. В основе сравнительно-этнологического изучения района лежит исследование всех реалий, указанных в пункте 8-м, но прежде всего материальных орудий производства, с которыми связано все своеобразие производственных процессов, отражающихся и на экономике, и типах общестственности изучаемой среды. Далее следует сравнительное изучение и собирание других сторон культуры, по возможности в формах, поддающихся зрительной фиксации. К такого рода явлениям принадлежат расовые типы, вся материальная культура (пища, жилище, одежда, средства передвижения), годовые циклы производственных процессов и годовые циклы бытовой жизни, а также те стороны племенной идеологии, которые выражаются в материальных предметах и действиях. Преимущественное изучение таких явлений вытекает из самого существа сравнительной этнологии, так как даже сложный факт социальной жизни, закреплённой в материальном объекте, становится легко фиксируемым и достоверным. Смысл явления не исчерпывается, как известно, точкой зрения на него племенной группы, у которой оно бытует. Все эти собранные материалы, помещённые в музей вместе с точно зафиксированным языком, фольклором и музыкальными мелодиями, являются действительно реальными материалами для построений этнологии.

16. Поэтому наряду с краеведным и стационарным изучением с полным усвоением языка необходима организация изучения этнокультурных и расовых формаций на основе сравнительной этнологии соответствующими специалистами, пребывание которых на месте работ ограничивается сроком выполнения поставленных задач и подготовка которых находится в тесной связи с работой музеев.

17. Однако голое собирание материальных объектов культуры, вытекающее часто из неправильной установки со стороны музеев, преувеличивающих свое самостоятельное значение, является не только недостаточным, но обыкновенно ничего не даёт, если эти предметы не рассматриваются исследователем в самый момент собирания как памятники истории данной страны, культуры или народности. Для того чтоб собираемый материал становился таковым, каждый предмет должен быть снабжен необходимым

количеством дат и легенд, выражающих местное название его и его частей, время и процесс изготовления и использование его на месте с определенной целью (по возможности описание должно вестись по отношению не к категории вообще, а к данному объекту, как бы быть его биографией). Памятники не должны собираться безразлично все или в пропорции их бытования. Необходим особый выбор, для которого совершенно недостаточно статистического принципа (такой-то памятник является наиболее обычным, следовательно, характерным). Напротив, поскольку задачей этнологии является вскрыть механику этнологического процесса и историю образования при этом различных хозяйственно-общественных формаций, необходимо, чтоб памятники отражали и были бы способны вскрыть динамику жизни, явления трансформации народного быта, то есть диалектику развития. Если исследователь по условиям данной экспедиции не в состоянии проследить лично у изучаемой народности все моменты ее годового хозяйственного кругооборота, необходимо подвергнуть тщательному обследованию зимние стойбища и весь инвентарь деятельности в различные времена года, (л. 259) чтобы не путем отвлеченного расспроса, а подробного уяснения назначения каждого памятника составить представление о полном годовом производственном и бытовом цикле ряда семей или родов. Все, что связано с путями кочевых и охотничьих передвижений, порядка общественных сборищ, возможно получить в форме планов, чертежей, зарисовок, сделанных по инициативе исследователя самими туземцами.

18. Изучение народностей, языком которых исследователь-этнолог не владеет, должно проходить при ближайшем участии лица, знающего русский язык, из представителей изучаемой народности, а не обратно даже в том случае, если бы в качестве переводчика мог бы быть исследователь-лингвист, стационарно работающий на месте и усвоивший уже язык. В последнем случае, однако, желательно, чтобы легенды о предметах записывались непосредственно на туземном языке с русским переводом. От самого этнолога, работающего в поле, необходимо, безусловно, требовать, чтобы он в порядке подготовки к экспедиции усвоил фонетику и основные морфологические особенности языка изучаемой народности (поскольку для этого имеется материал), что необходимо для точных терминологических записей. <нрзб.> конечно, если этнолог имеет лингвистическую подготовку по группе тех языков, на котором говорит изучаемая народность.

19. Маршрут экспедиции разрабатывается в общих чертах в связи с заранее поставленными научными задачами и имеющимися экономическими возможностями. Порядок и направление внутренних передвижений диктуются не только местными общими условиями, но и ходом самой исследовательской работы, направляющей исследователя то в одном, то в другом направлении, и определенных объектов, лиц и культурных границ,

сведения о которых приобретаются от самих туземцев. В зависимости от основных задач различаются маршруты, связанные с изучением отдельного племени в пределах его современных языковых границ, и маршруты для выяснения вариаций и географического распространения формаций, выходящих за пределы языково-племенных подразделений (например, культура нагорного Дагестана с его десятками языков или круг нижеамурских племен: тунгусских, маньчжурских, палеоазиатских — с переходящими языковые границы родовыми делениями, хозяйственно-бытовыми чертами, религиозными культурами и т.д.)».

Этим заканчивается программа полевой этнологии. В заключение я должен сказать, что, исходя из основ этнологической науки и методов этнологического изучения, я подчеркиваю совершенно необходимую тесную связь между антропологической и этнологической науками. Причем примат должен быть не естественно-исторической методологии, а методологии общественной, с тем чтобы обеспечить полноту изучения всех формаций различного материального содержания.

(л. 260)

Прения

Вопросы по докладам проф. Богораза-Тана и Куфтина

Маркелов

Есть два вопроса к первому докладчику.

1) Когда Влад[имир] Герм[анович] определяет метод и говорит о стационарном методе, он подразделяет этот стационарный метод на культурный и научный.

Мне хотелось бы знать точнее: какая разница в этих двух подразделениях?

2) Когда Влад[имир] Герм[анович] устанавливает объекты этнологического исследования, он делит его на 4 группы: на материальную культуру, экономику, социальную культуру и духовную. Мне бы хотелось знать, в частности, какая разница в понимании Вл[адимиром] Герм[ановичем] материальной культуры, экономики, социальной культуры и духовной культуры.

*Яковлева*¹

Так как значительная часть доклада тов. Куфтина о практической работе этнографии была посвящена разработке теоретических вопросов, которые предопределяют собою всю практическую полевую работу, то я буду говорить главным образом о вопросах теоретического порядка.

¹ Имеется в виду или Н. Ф. Яковлев, или В. И. Яковлева.

- 1) Что такое этническая формация, о которой говорил проф. Куфтин?
- 2) Чем определяется и что собою представляет процесс этногенезиса?
- 3) Что подразумевает проф. Куфтин под социологической наукой?
- 4) Что, в сущности говоря, является предметом политической экономики, о которой говорил тов. Куфтин?
- 5) Какова верхняя и нижняя временные границы этнологического объекта?
- 6) В чем заключается различие между нацией и национальностью и как они подразделяются?
- 7) Какие науки входят в антропологию и этнологическую цепь дисциплин?
- 8) Являются ли формации, классовая и политическая, вне- (л. 261) национальными?
- 9) В чем заключается различие между национальными группами и национальными пластами?
- 10) Из 15 или 17 тезиса докладчиком совершенно недоразвиты такие положения: что такое бытовая жизнь и что такое механика этнологических процессов?

Чистяков¹

Я бы не загружал проф. Богоразу вопросами, но так как я приехал сюда не поучать, а учиться, то я позволю себе задать ему несколько вопросов.

- 1) Как понимает профессор культуру?
- 2) Считает ли профессор, что при изучении общественных явлений можно пользоваться физической и биологической аналогией?
- 3) Что является критерием при расценивании этноса и различных групп явлений (политических, религиозных и т.д.)?
- 4) Считает ли профессор делом этнологического изучения такие явления, как, например, розенкрейцерство, франкмасонство, тайлоризм, карбонарии?
- 5) Если профессор считает возможным этнографически изучать нищих, сплавщиков леса, сезонных рабочих, то входит ли в задачи этнографии изучение таких групп, как, например, ученые и т.п.?
- 6) Что надо понимать под культурой социальной и культурой политической?
- 7) Наконец еще один вопрос, что меня поразило в докладе профессора следующее обстоятельство: возможна ли какая-либо научная работа при полном психологическом воплощении, которого требовал профессор от этнологов? Не может ли получиться, что при таком буквально спиритуалистическом подходе социолог, изучая кошку, должен перевоплотиться

¹ Не удалось определить личность.

в кошку? Наверно, профессор, не откажет в объяснении. Наконец, один вопрос к проф. Куфтину. Я думаю, он не прогневадается за мое невежество. Что профессор понимает под диалектическим материализмом?

(л. 262) *Левин*

Три вопроса к Владимиру Германовичу.

- 1) Как он определяет этнографические группы?
- 2) Считает ли он возможным, чтобы человек, просто знающий язык, из местных людей, был уже этнографом или требуется еще другое?
- 3) В чем видит профессор основное различие конструируемых им культурных кругов и кругов Гребнера и Фойя?

Яковлев

Мне бы хотелось знать, как смотрит докладчик на комплексное изучение, то есть на самый метод комплексного изучения, метод сотрудничества специалистов в разных областях для изучения того или иного объекта в части метода комплексного.

(л. 263) *Богораз-Тан*. Ответы на вопросы

Что такое стационарный метод и что такое культурный?

Я хотел указать следующее: стационарный метод — это метод исследовательский, живой, на месте. Стационарный метод — строго научный метод. Мы не мыслим стационарной работы без культурной.

Что касается этнологии и этнографии, я считаю, что в наших условиях стационарная работа возможна. Западные этнологи и этнографы ставят перед собой культурные задачи. Мы же сейчас не мыслим стационарной работы без культурной, так что в нашей современной, советской этнографии стационарная работа есть культурная работа, то есть работа, основанная на культурной работе. Я думаю, что это правило было бы приемлемо и для западных этнографов. Но в этом отношении они ничего не сделали или сделали очень мало. Возможно, что и не могут сделать. Поэтому наши доклады в Америке были чем-то вроде откровения. Этот подход был центральным пунктом нашего доклада.

Дальше вопрос о выработке учебников. Никто не знает, какой подход нужен для выработки учебников для туземцев. Нужен подход не только к языку, но и к пониманию туземцев. Я приведу пример. К нам приехал чукча. Русского языка он не знает. Прилежно изучал он русский букварь. Переписывал страниц по 30, не делая никаких ошибок. Однажды он попросил меня перевести на его язык несколько слов. Я стал переводить и натолкнулся на такую фразу, «Ваня, пойдем молотить». Я никак не мог перевести. Он рассердился и говорит: «Знаний столько получил, а нам не даешь». Таких фактов много. Тогда-то я и увидел, что необходимо создать

для них русский букварь с точки зрения этнографии. Не с земледелия начинать, а с рыболовства, оленеводства, охоты на зверя и т.д.

(л. 264) Здесь тов. Прокофьев указывал, что язык должен быть конкретный, а не абстрактный. На Западе я тоже не нашел учебников с нужным подходом. Мне пришлось обратиться к миссионерам, которые живут среди туземцев и лучше их понимают. Но их буквари меня тоже не удовлетворили.

Есть еще ряд вопросов, но мне трудно ответить на все вопросы, для этого нужна целая энциклопедия. Тех людей, которые хотят учиться, я пригласил бы поступить на наш факультет, и там я по мере возможности дам объяснения. Я знаю, что у нас здесь не исследовательский институт, а практическое совещание. Я стараюсь поэтому воздерживаться от всех вопросов, ведущих к недоразумению.

Например, вопрос о культуре.

Я сказал, что это целый ряд вопросов. Сначала мы должны сказать, что такое культура. Пожалуйста ко мне в семинарию, и там я вам расскажу.

Последний вопрос поставлен мне одним из студентов. Должен ли исследователь перевоплотиться в кошку при ее изучении?

По-моему, это зависит от его свойств. (Смех.)

Очень долгая и трудная работа — исследовать биологию кошки. Это есть особая наука, правда, теперь только возникающая, которую надо, в конце концов, сравнить с этнографией. С другой стороны, я протестую против такого подхода. Человек не кошка. Если вы желаете исследовать человека, извольте, исследуйте его культуру, иначе вы наделаете много естественной истории.

Если бы я имел время, я бы рассказал, как я исследовал шаманство. Я бы мог рассказать случай шаманского внушения. Как шаман меня заставил видеть вещи, которых не было, как он повлиял на мою волю и что из этого вышло. Опять-таки надо сказать, что для более подробных ответов я приглашаю вас в свой институт. Но, конечно, надо сказать, что изучить туземный народ можно только тогда, когда вы входите в его физическую жизнь. Перевоплощение начинается с физической работы. Вы должны вместе с ними заниматься их производством, тогда остальное приложится.

(л. 266) **Куфтин.** Ответы на вопросы

Мне предложили целый ряд вопросов, которые связаны с моими тезисами, вернее, с отдельными словами моих тезисов. Вопросы не касаются непосредственно этнологии, и если и дальше будут задавать такие вопросы, то мы не подойдем к существу, тем более что вопросы не касаются этнологической методологии.

1) Что такое этническая формация?

Я говорил, что это есть формация или, может быть, совокупность формаций, в число которых входит понятие языковое, понятие расовое,

«расовая формация», понятие «производство», «производственная формация» или «хозяйственная формация», наконец, «идеология», которая связана с производством.

Таким образом, совокупность такого рода формаций образует этническую формацию, иначе говоря, образует собою племя, так что этническая формация есть племенная в настоящем смысле слова.

2) Что представляет собою процесс этногенезиса?

Процесс образования подобного рода формаций есть процесс соединения определенных типов общественной жизни на основе тех или других производственных процессов и отношений, это и есть этногенезис, то есть генезис — история образования этнической формации.

3) Что такое социологические науки и что является предметом политэкономии?

Это вы найдете в азбуке коммунизма.

В политэкономии изучаются отношения капиталистического периода истории, так что возьмите азбуку коммунизма и прочтите. Социологическая наука — это наука об обществе и о развитии человеческого общества. Этнология и антропология — тоже социологические науки.

(л. 267) 4) Каковы верхние и нижние временные границы этнологических объектов.

Временных границ нет, а есть границы по типам, то есть мы можем в настоящее время изучать очень древние формы, формы общественные, очень древнего типа общественно-племенных формаций. Мы можем изучать хотя бы австралийцев. Но также мы можем в европейском обществе, пользуясь методом восстановления прошлого, изучать определенные формации, бывшие в прошлом, хотя бы в капиталистическом обществе. Так что никаких границ нет, и даже если произойдет денационализация всего человечества, то и тогда этнология не исчезнет. Как ретроспективная наука, она будет изучать законы прошлого.

5) В чем заключается различие между нацией и национальностью?

Я как раз подчеркивал, что не хочу в данном случае делать различия, хотя различие очевидно.

Нация есть совокупность определенных национальностей, объединенных одной политической формой или идеологией, созданной на основе жизни капиталистического государства, а национальность я понимаю как этническую формацию, то есть включаю ее в общий круг этнических формаций.

6) Что такое денационализация этнологии?

Конечно, не то же самое, что денационализация имущества. Я понимаю под этим явлением явление конца этнологического процесса, то есть явление, которое происходит в смысле уничтожения того комплекса, который объединяет язык и все другие хозяйственные формы производства, где

кончается такое объединение, происходит денационализация. Это явление в этнологии носит название аккультурация.

Может быть, собрание считает, что не следует затруднять собрание ответами на все эти вопросы.

Соколов

Товарищи, я должен сказать, что нам нужно подумать о том, что у всех нас большая трудовая работа и жизнь.

(л. 268) Мы оторвались для важного дела, но вместе с тем мы должны уважать и наше время, которое нужно нам для плодотворной ежедневной, будничной работы. Мы, москвичи, дольше нужного времени оставаться не можем. Уехать же до съезда только с разработкой терминологических, общепринципиальных вопросов мы не можем, мы будем не удовлетворены. Три дня у нас ушли на чисто теоретические вопросы. Было бы наивно думать, что мы эти вопросы разрешим. Важно их поставить, выяснить наши недостатки в общих границах. Я думаю, здесь достаточно выявлены наши недостатки и наши основные установки. Они подлежат дальнейшей длительной проработке.

Теперь остались очень важные вопросы для этнографа. Это вопросы полевой практики, вопросы музейные, вопросы высшего образования.

Позвольте просить внутренне себя так ограничить, чтобы прямо перейти в прения к вопросам по существу, практическим, а не будем всякий раз проверять, как ты делаешь, что ты вкладываешь в отдельное слово.

Каждый может и ошибочно, и правильно сказать, но если каждый будет развивать свой термин, на это уйдет много времени и мы не кончим наше заседание, и я боюсь, что мы снизим наш серьезный тон, так как я вижу, что в наше заседание вошла уже несерьезность. Поэтому прошу прения вести по вопросам стационарной, полевой работы, нашей музейной работы, нашей высшей школы.

(Президиум разделяет точку зрения проф. Соколова.)

Куфтин

В чем заключается различие между национальными группами и пластами?

В том, что национальная группа определяется совокупностью признаков, причем этими признаками является язык, а национальные пласты могут существовать как пережитки национальной группы в прошлом, в настоящее время исчезнувшей, потерявшей свой язык.

Что такое бытовая жизнь?

(л. 269) Этот термин проскальзывал в тезисах как случайный. Я, в сущности говоря, не вполне разделяю ту точку зрения, что можно говорить

об этнологии как о науке, изучающей быт, который существует, но в данном случае бытовая жизнь, если я упоминал слово «жизнь», определяется как совокупность производственных отношений и идеологии и включает в себя более или менее всю совокупность отношений.

Что такое диалектический материализм?

Мне кажется, что это из азбуки коммунизма.

Относительно комплексного изучения — это имеется у меня во 2-м тезисе.

По другим вопросам я скажу в заключительном слове.

(л. 270–271)

8 апреля 1929 г. Вечернее заседание

Председатель

Записавшихся имеется уже 18 человек. Поэтому я просил бы по возможности «не растекаться мыслями» и давать краткие положения, касаться прямой темы наших докладов.

Маркелов

Как первый докладчик, так и второй (первый в предисловии, второй на протяжении двух третей своего доклада), мне кажется, уклонились от темы, поставленной докладами, и продолжали, собственно, беседу по поводу вчерашних вопросов и по вопросам, которые мы рассматривали в прошлые дни. Я думаю, что основным руслом сегодняшнего обсуждения должны быть как раз вопросы, связанные исключительно с методами работы полевой, стационарным методом и методом экспедиционным, и поэтому совершенно естественно думать, что каждый оратор будет главным образом сосредоточивать именно на этом. Мне хотелось несколько слов сказать по поводу первого доклада Владимира Германовича. Много из того, что он говорил в своем докладе, для нас, полевых этнологов, является приемлемым. В частности, докладчик констатировал важнейшие основные методы, которые существуют в полевой этнографии: метод стационарный и методы экспедиционные, кратковременный и долговременный. Совершенно научно приемлемыми являются положения докладчика хотя бы о том, что, безусловно, предпочитать мы должны стационарный метод, или положение о том, что трудно быть этнографом без полевой работы. И Влад[имир] Герм[анович] формулировал это гораздо более резко, говоря, что нельзя быть этнографом, не работая в поле. Но точно также к очень плодотворным мыслям нужно отнести и то, что для всякого полевого работника необходимо знание того языка, культуры языка той народности, которая изучается. Но вместе с тем, мне кажется, в принципиальных по-

ложениях Влад[имира] Герм[ановича] были моменты очень сомнительные. Мне хотелось бы в двух словах остановиться на этих сомнительных моментах, чтобы выяснить мнение и докладчика, и всех остальных, которые будут выступать после меня.

Вот, совершенно справедливо, что знание языка необходимо для этнографа, но вместе с этим нужно отметить, что в этом как раз может корениться (при некоторых условиях) и некоторое зло для полевой (л. 272) работы или для полевого работника. Это вот что значит. Над этнографией, мне кажется, долгое время тяготела лингвистическая наука. Тяготела в том смысле, что этнограф всегда, как правило, шел в полевой работе за лингвистом, тогда как это не всегда возможно. Я попробую сослаться на несколько примеров из московской работы. В Москве велся ряд работ над изучением народностей Среднего Поволжья, Волго-Камского бассейна, над изучением мишарей и башкир. Эта работа показала, что идти с классификацией этих народов, которую дает нам лингвистика, не всегда возможно. Во всяком случае, этнологический анализ покрывает в этих культурах, хотя бы в культуре этих самых мишарей, элементы, которые далеко отстоят от культуры турецкой народности мишарей, которые принадлежат по языку именно к турецкой группе народов. То же самое можно сказать о башкирах, которые по языку причисляются к турецким народам. И прежние этнографы относили культуру башкир к турецкой группе, следуя за лингвистами, и долгое время не обращали внимания на ряд элементов культуры, которые идут совсем не из среды этих турецких народов. Я этим хочу сказать, что при перегибе этого положения для этнографа может возникнуть ряд трудностей и этнограф может легко прийти к неправильным заключениям. По существу, изучение языка необходимо для этнографа, главным образом для непосредственной работы в поле.

Теперь мне хотелось бы обратить внимание на второе положение первого докладчика. Это на положение о сочетаниях отдельных специалистов по полевой работе. В докладе и тезисах Влад[имира] Герм[ановича] обращено внимание главным образом на соединение, на симбиоз, так сказать, лингвиста и этнографа, на соединение естествоиспытателя-этнографа, географа и антрополога. Это для Москвы имеет реальное значение. Я считаю, что не менее плодотворным, а может быть, и более плодотворным, является и такое соединение, как историка и этнографа. По многим причинам, хотя бы потому, что исторические методы более проверены и применение, в частности, диалектического материала по отношению к истории более реально. И этим самым мы просто освобождаемся от некоторого налета биологизма.

(л. 273) Мне хотелось бы сказать еще несколько слов по 7-му тезису первого доклада, по вопросу о необходимости физической близости между исследователем и той культурой, которую данный исследователь изучает.

Мне кажется, что это положение сформулировано недостаточно отчетливо, недостаточно точно и, может быть, не совсем верно...

(л. 274) Мне кажется, что не в физической близости все дело и не от физической близости зависит успех полевого работника-этнолога, а этот успех заключается в том доверии, какое вызовет к себе исследователь. Мы должны заботиться не о том, чтобы физически сблизиться, не о том, чтобы участвовать в праздниках или даже трудовых процессах. Иногда это чрезвычайно просто, а иногда трудно и невозможно. Практически нам, этнографам-полевикам, нужно заботиться только о том, чтобы производить исследование в таком духе, который бы обеспечил нам доверие той или другой народности. И тогда успех, по существу говоря, будет обеспечен. Затем я думаю, что в этом положении докладчика есть некоторый налет народничества, если хотите, толстовства, ибо не всякий исследователь способен на то, чтобы выполнить все те требования, которые высказывает докладчик. Я думаю, что в данном случае всякий исследователь-этнограф должен быть немного художником, а на это способны не все. И если на это способен великий шаман чукчей Владимир Германович, то думаю, что в качестве принципиального положения это выставлять невозможно. Мне хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Владимир Германович в своем докладе делит объекты исследования на четыре отдела, а именно: материальная культура, экономика, социальная и духовная культура. Такое деление не имеет под собой основания. Здесь очень легко, мне кажется, впасть в заблуждение и выставить эти отдельные моменты в качестве отдельных, самостоятельных субстанций. Ведь, по существу говоря, мы все изучаем социальную культуру (если уже вводить понятие культуры) в различных проявлениях, начиная с хозяйственно-производственных и кончая идеологическими в самом широком смысле слова. Я думаю, что и в этнологии это подразделение должно играть основную и самую главную роль. Имеет ли это значение? Да, потому что такое деление не дает нам возможности изучать эти явления изолированно, тогда как при делении, которое предлагает Вл[адимир] Герм[анович], такая возможность допускается.

Теперь мне кажется, что оба докладчика не обратили внимания (л. 275) на чрезвычайно важный вопрос рабочей методики полевого исследования. Я не имею времени подробно об этом говорить, а просто изложу это в качестве вопроса. Мне кажется, что имело бы большое принципиальное значение осветить в докладах хотя бы картографический метод работы полевого исследования. Картографией занимается почти каждый полевой работник. Затем чрезвычайно важно было бы ответить докладчику на вопрос: в какой последовательности должны при комплексном изучении изучаться отдельные явления? И наконец, если возможны экспедиции тематические, возможно изучение жилища, например отдельно пищевого

режима, полового режима, то будет ли методика работы в данном случае отличаться от методики при комплексном изучении? Вот целый ряд практических вопросов, которые не затронуты в докладах и на которые желательно было бы получить ответ.

Золотарев¹

Я вполне приветствую тот призыв, который из президиума был направлен к нам, — не заниматься теми общими вопросами, которыми мы три дня занимались. Но нельзя все-таки на некоторых вопросах не остановиться, потому что так много пущено в оборот понятий, недостаточно продуманных положений, что очень трудно во многих вопросах разобраться после этих трех дней нашей работы. Я не буду на них останавливаться, но считал бы, что эта вина не столько отдельных докладчиков, сколько той коллегии, которая имела тезисы (мы этих тезисов не имели) и которая должна была их согласовать и в более заостренном и более продуманном виде предоставить нам. Мы действительно много времени тратим благодаря тому, что здесь не определенная точка зрения, не определенная школа, а иногда недостаточно точно и удачно сформулированные индивидуальные мысли, которые и мешают нам разобраться во всем том, что нам предлагается. Я не буду на многих вопросах останавливаться, но упомяну только, что в докладе Б. А. Куфтина, в той части, которую я как антрополог принять не могу и думаю, что вместе работающий с Куфтиным проф. Бунак тоже, вероятно, не в полной мере разделяет те положения, которые были высказаны. Понятие о расе, об антропологии как исторической дисциплине — все это вызывает не только (л. 276) сомнения, но и полное отрицание. Я не имею возможности останавливаться на этом подробнее, внемля голосу из президиума.

Затем и тот и другой докладчик употребляют термин «полевая этнография». Мне кажется, что нам от этого термина надо отказаться, в особенности после тех разговоров, которые были здесь. Никакой полевой этнографии нет и быть не может. Можно говорить о полевой работе этнографа, но не о полевой этнографии. Я думаю, что В[ладимир] Г[ерманович] с этим согласится. Тем более что в одном тезисе сказано: «вернее, полевая работа». Нужно из обихода термин «полевая этнография» убрать, чтобы не вносить путаницы в умы нашей молодежи, тем более что из этого понятия вытекают ряд последствий, имевших большую важность. Нельзя отрывать полевую

¹ В тексте стенограммы фамилия Золотарев приводится с инициалами Д. А. несколько раз, в то же время встречается употребление фамилии без инициалов. К моменту проведения совещания 1929 г. в этнографии активно работали два Золотарева — Давид Алексеевич (1885–1935) и Александр Михайлович (1907–1943). В силу того что стенографисты не различили этих двух людей, можно заключить, что в работе совещания принимал участие только Д. А. Золотарев.

работу от работы исследовательской. Нельзя ограничиваться экспедициями, хотя бы двух или трехгодовыми, без исследовательской проработки перед экспедицией и после нее. Поэтому мне кажется, что устранение этого термина обяжет нас не делать ошибок, которые многие делают. Я не буду останавливаться на других общих вопросах, остановлюсь на ряде пунктов скорее редакционного порядка. Мне кажется, что здесь не столько разногласия, сколько неточность известной редакции. Если Вл[адимир] Герм[анович] говорит о статических элементах культуры (пища, жилище, одежда), то я думаю, что вы, Вл[адимир] Герм[анович], согласитесь с тем, что нельзя рассматривать и одежду, и пищу, и жилище как элементы статические. Они все время живут, как и все элементы в культуре. И здесь говорить о них как о статических элементах нельзя. Точно так же когда вы говорите о методах работы и устанавливаете категории (здесь уже на это обращалось внимание). Здесь, я думаю, тоже есть известная неточность в формулировке. Когда вы говорите о материальной культуре, экономике, социальной и духовной культуре, здесь, по-моему, нужно некоторое уточнение, и в особенности нужно вместо экономических явлений сказать как-то более точно и определенно, установить, не выделяя особые категории, экономику рядом с материальной культурой, социальной и т.д. Здесь, несомненно, нужно будет построить иначе, как-то иначе редактировать... (л. 277) Затем, когда вы говорите, что полевая этнография развивается как особая специальность, то, я думаю, здесь тоже должна быть другая редакция. Дальше, в одном тезисе вы говорите: археология, антропология и так называемая культура музейного типа, то есть реставрация вывезенных предметов без объяснения словами. Простите, я как музейный работник должен сказать, что этого сейчас нет и нет даже в музеях старого типа, и здесь опять-таки должна быть какая-то редакционная поправка. Материальной культуры музейного типа нет и не может быть, так же как не может быть серьезного музейного работника, который бы так относился к явлениям материальной культуры.

Затем насчет мутаций. Я не думаю, чтобы вы так смотрели, Владимир Германович, да, в частности, когда вы говорите относительно языка, что для языков обруселых туземцев необходимо устранение верхнего слоя языка и тщательное изучение древнейшей подпочвы. Я не лингвист, но думаю, что для нас, для этнологов, чрезвычайно интересны не только древнейшие подпочвы, а именно те процессы, которые происходят и в языке под воздействием тех влияний, которые придут от русского или других языков. Такое разделение едва ли можно допустить и признать правильным. Нужно сказать, что основное положение мне представляется чрезвычайно нужным и важным, и в этом отношении я должен больше соглашаться, чем возражать.

Значение стационарного метода, значение знакомства местных общественных работников с бытом, с этнографией чрезвычайно ценно. Это очень

важно. Но когда говорят, что полевой работник-этнограф должен неразрывно соединяться с культурно-общественной работой, то это уже спорно, и другой докладчик как раз выдвигает совершенно противоположный тезис, подчеркивая вредность такого рода явлений. Здесь опять нужно как-то договориться. Я думаю, что связь действительно должна быть, но в такой формулировке, как она дана в тезисах, вызывает возражения.

Таким образом, у меня намечается целый ряд не столько крупных возражений, сколько известных редакционных поправок (л. 278), которые, если бы они были приняты докладчиком, дали бы ряд практических дополнений к докладам. Если это не будет сделано, это вызовет целый ряд возражений, которые будут мешать плодотворной работе в дальнейшем в наших полевых исследованиях.

Но о чем мне хотелось бы еще говорить, это о той дальнейшей работе после полевой исследовательской деятельности на местах, о которой мы слишком мало говорим и которой мы слишком мало внимания уделяем. Вот на эту именно сторону нужно было бы обратить внимание, потому что даже хорошо поставленная полевая работа в конечном результате дает мало, потому что уже на месте в исследовательских учреждениях материалы мало прорабатываются, слабо публикуются. А главное — материалы теряются на частных квартирах исследователей, оставаясь достоянием отдельных лиц. Это вопрос необычайной важности и значения, и на него нужно было обратить внимание. Необходимость обработки материалов и хранения их для общественного пользования и исследовательской работы над теми материалами, которые собираются, — эти вопросы надо поставить.

*Преображенский-младший*¹

Товарищи, мне кажется, что оба доклада говорили нам по существу о формах стационарной и экспедиционной работы, а не о методе. Правда, тов. Аптекарь совершенно правильно отметил, что наша наука страдает нагромождением материала, и при этом материала художественного достоинства, в котором разобраться не тому, кто работал, а другим исследователям, нет никакой возможности. И поэтому основной упор должен был бы быть сделан, мне кажется, на научную документацию и на научную фиксацию тех явлений, которые приходится наблюдать каждому из нас. Без этого этнография была и не совсем наукой, несмотря на всякие разговоры о марксистской методологии. Мы имеем в большинстве случаев самые расплывчатые, может быть, и очень художественные описания в дневниках исследователей, которые обобщить невероятно трудно. В этом отношении

¹ Преображенский-младший — по всей видимости, *Сергей Федорович Преображенский* (1900–1962) — младший брат П. Ф. Преображенского, антрополог, сотрудник Института антропологии МГУ.

то, что говорил Владимир Германович о том, что нельзя быть этнографом, оперируя только одними книгами, в достаточной степени верно, потому что мы не имеем хороших документальных источников по этнографии. Вопрос об источниках — вопрос самый актуальный. (л. 279) Но говоря о том, что стационарный метод является, несомненно, идеальным методом, нужно, конечно, сделать целый ряд оговорок. Конечно, Морган сделал очень хорошо, что прожил 40 лет среди ирокезов. Но можно ли этого требовать от этнолога и требуется ли это вообще? Да и нет. Потому что, кроме того, что мы, этнологи, работаем в поле, теперь в поле начинают работать много местных краеведов, которым мы должны привить научные методы фиксации материала, и этим самым мы, может быть, до некоторой степени сузим и сгладим наш стационарный метод работы.

Теперь относительно культурно-просветительной работы, относительно участия этнографа в различного рода кооперативных организациях, школах, комитетах, где хотите. Здесь одновременно говорится о близости к тому обществу, которое вы изучаете, и одновременно о том, чтобы вы по отношению к этому самому обществу иногда выступали в качестве чиновника. Противоречие, по-моему. Нельзя, например, заниматься вопросами религии и вести одновременно антирелигиозную пропаганду. Работая в поле, мы занимаемся культурно-просветительской работой, но у нас поставлен вопрос, когда ею заниматься. Мы делаем как иезуиты. Сначала входим в доверие знахаря и обследуем формы религиозных верований, а назавтра мы ведем антирелигиозную пропаганду. Нельзя одновременно заниматься этим. Это, по-моему, совершенно неверный подход к материалу, потому что вы здесь имеете дело с очень чутким человеческим обществом, которое знает, что вы представитель и религиозного мировоззрения. Вы не совсем тут правы, и особенного перевоплощения здесь от этнографов требовать нельзя.

Я хотел бы остановиться еще на той методологической работе, которая прodelывается сейчас группой московских студентов, организующих выставку по методике этнографической работы. Это будет касаться существа дела. Мы ее разделили на целый ряд отделов.

(л. 280) В первый раздел этнографического исследования у нас попадают средства и орудия труда, промыслы и хозяйственные формы данного общества. Во второй отдел входят и те объекты материальной культуры, которые связаны с данным трудовым процессом и с данным промыслом. То, что мы объединяем под общим термином «хозяйственная культура» или «хозяйство». Следующий отдел — общество — у нас имеет такое деление: семья исследуется на основе точного анализа производства и распределения в данной первичной ячейке. Здесь у нас поставлен вопрос о точной фиксации бюджета времени, распределения производственного и потребляющего труда (извиняюсь за термин «потребляющего»), на основе которой мы получаем точное отображение, числовое отображение занято-

сти каждого члена данной семьи в той или иной работе. Потребляющим трудом мы условно называем тот труд, который связан непосредственно с потреблением, то есть с топкой печей, не с добыванием дров, а с варкой пищи. Одним словом, тот труд, который большей частью делают женщины. Сюда же включаем и одежду, и целый ряд нужных предметов материальной культуры. Материальную культуру мы не выделяем из целой совокупности социальных явлений, с которыми она теснейшим образом связана. Следующий отдел — идеология — основан по такому же типу. Кроме того, там уже у нас поставлен вопрос на основе целого ряда опытов о комплексе этнографической и археологической работы. Антропологический институт уже не первый год вступает в экспедиционную работу, одновременно работая и над археологическим, и над этнографическим материалом. Этот вопрос, который был недостаточно освещен в докладах, должен быть в значительной степени оценен и освещен оппонентами. Дело в том, что в целом ряде случаев мы не так уж и хорошо понимаем этот самый комплексный метод. Иногда у нас под комплексной экспедицией понимается экспедиция, где археолог работает в одном месте, а этнолог — в другом, то есть они работают не только над культурой, не связаны друг с другом генетически, но разрознены и во времени, и в пространстве. С другой стороны, мы имеем комплексную работу, связанную с одной территорией, где изучаются детально народности и в плоскостном (л. 281), и в глубинном разрезе, изучаются и памятники данной народности, и ее современный быт, что дает, с одной стороны, значительное оживление и оплодотворение археологическому материалу и выводит археологию из своеобразного мертвого застывания, с другой стороны, оплодотворяет исторические кабинеты этнографического исследования. Этот комплексный метод исследования, историзированный или археологизированный, является актуальнейшим вопросом нашей методики, и он еще в значительной степени не разрешен. Кроме того, несомненно, не верно, что ни один докладчик не дал программы исследования. Ведь, в конце концов, мы имеем очень много программ, но ни одна из этих программ нас не удовлетворяет. Не удовлетворяет ту самую методологию, о которой мы столько здесь распространяемся. Мне хотелось бы закончить тем, что в этом смысле мы должны идти по пути документации явлений, найти те методы фиксации материала, которые дали бы возможность не только тем, кто работает над этими материалами и его обрабатывает, но давали бы возможность пользоваться и тем, кто непосредственно не принимал участия в данной работе.

Левин

Согласно нашему сегодняшнему правилу не говорить по теоретической части, а ограничиться исключительно полевой методологией, я оставляю в стороне теоретическую часть докладов и Куфтина, и Богораза. По второму

докладу это сделать довольно легко, так обе части, и теоретическая, и практическая, между собой органически не связаны, так что перейду непосредственно к теме обоих докладов. Никто из присутствующих здесь не будет спорить с проф. Богоразом о том, что стационарный метод исследования — это есть тот метод, по которому лучше всего и легче всего работать при наличии определенных средств и определенных условий. Но я позволю себе не согласиться с той частью, где он почти исключает экспедиционный метод или сводит его к работе тематической. Когда мы говорим об экспедиционном методе исследования, мы должны рассматривать этот метод исследования как метод, диктуемый современными условиями. Приведу конкретный пример. Я лично разделяю мнение, что стационарный метод более приемлем. Мои интересы, как этнографа, связаны с <...> тунгусами. Средств на то, (л. 282) чтобы поехать к ним на 16 месяцев, нет, ехать туда с административными функциями я считаю нецелесообразным. Должен ли я отказаться от экспедиционного исследования? Конечно, нет. Работы последних лет показали, что много может дать экспедиционный метод среди тех народностей, которые представляют белое пятно, о котором говорил Вл[адимир] Герм[анович] и которое мы должны покрыть если не на 100 %, то хотя бы для сравнительного материала. Что мы знали до экспедиции Московск[ого] центр[ального] музея о <...>? До сих пор в литературе пришлось ограничиться Шренком¹. Работа Васильева² если не идет вглубь изучения духовной культуры, то она все-таки дает четкие типы оленеводчества, охоты, хозяйства и других признаков, которые для нас чрезвычайно важны. В[ладимир] Г[ерманович] недооценивает того, что называется музейной этнографией. В этом слове — «музейная этнография» — у него есть пренебрежительное отношение. Это может являться верным в том случае, если эта музейная этнография понимается так, как изложена в тезисах В[ладимира] Г[ермановича]. Но экспедиционный метод это не значит просто привоз материалов без его документации. Мы присутствуем при полном исчезновении тех этнических групп, которые уничтожаются под влиянием проникновения к ним культуры. Они у нас совершенно не зарегистрированы в наших музеях и в наших объектах, и экспедиционная работа эти пробелы должна восполнить. Насколько музейные объекты являются важными, об этом, по-моему,

¹ Шренк Леопольд Иванович (1826–1894) — русский этнограф, натуралист, академик Петербургской АН (1863). Директор Музея антропологии и этнографии в Петербурге (1879–1894). В 1854–1856 г. возглавил экспедицию на Амур и Сахалин, где изучал нивхов (гиляков) и другие народы. Материалы экспедиции изданы в 4-томном труде на немецком языке. На русском языке издана этнографическая часть этой работы: «Об инородцах Амурского края» (1883–1903. Т. 1–3). Ввел в науку термин «палеоазиатские народы».

² Васильев Борис Александрович (1899–1976) — этнограф-сибиревед, ученик Б. А. Куфтина. Работал в ЦМН. В 1929 г. был выслан из Москвы. Впоследствии работал в Антропологическом музее МГУ и Музее народов СССР. Активный деятель Катакомбной церкви, учитель о. Александра Меня.

говорить не приходится. Только через музейные объекты мы можем подойти к таким сложным явлениям, как те, что В[ладимир] Г[ерманович] называет духовной культурой или религией. Мне казалось бы, что, когда мы изучаем шаманство, мы и здесь методологически можем исходить из внешних проявлений шаманства. Это может нам гарантировать изучение того, что является типичным для данной этнической группы. Это не является индивидуальным выражением отдельных лиц, а это есть настоящий тип, который может быть зарегистрирован в экспедиционной работе.

(л. 283) Вопрос второй, на котором я хотел остановиться, — это вопрос, о котором говорил В[ладимир] Г[ерманович]. Мы признаем, что мы должны вести культурную работу, но так, чтобы она не затемняла остальных сторон нашей работы. Человек, который едет в качестве административного лица, не может там работать, потому что он не может быть с туземцами в достаточно близких отношениях. Это в известной степени правильно. Я скажу, что когда я еду в поле, где я делаю важное и полезное этнографическое дело, то мне жаль времени и мне не хочется тратить его на то, что может лучше меня сделать другой человек, знающий это свое дело. Этнографическая работа, как это здесь выяснилось, заслуживает того, чтобы этнограф зарабатывал свой хлеб через этнографию, а не через другое дело. Это не значит, что мы не должны вести культурную работу, всецело связанную с местными органами. Весь материал от такой культурной работы мы должны принести на помощь, но не принимать это как необходимую увязку с той работой, с теми функциями, которые мы несем по своей непосредственной работе. Культурную работу должен вести человек, который занимается культурной работой. Я хочу сказать, что государство, если имеет средства, может обеспечить этнографа, а если учитель, кроме своей специальности, еще и этнографически подготовлен, то это очень хорошо. Но пока мы не можем еще располагать таким штатом. Штат же этнографов мы должны использовать по прямому назначению — чтобы захватить то, что нам оставил быстрый рост исчезновения этнических особенностей. Если товарищ хорошо знает тунгусский язык, то он должен ехать к тунгусам и зафиксировать то, что еще не зафиксировано.

Третий вопрос — это то, что Владимир Германович называет близостью к населению. Но очень часто этот метод рассматривается как метод вживания в философском смысле. Такое направление есть у германских ученых¹. Метод вживания Влад[имира] Герм[ановича] мне представляется просто симпатией населения.

¹ По всей видимости, Левин имеет в виду разрабатывавшуюся немецкими философами Генрихом Риккертом, Вильгельмом Дильтеем и др. методологию «понимания», применяемую «науками о культуре» и противопоставляемую ими генерализирующему методу естественных наук.

Четвертый вопрос и последний — это вопрос об этнографическом изучении новых формаций, того, что мы имеем сейчас в деревне, в городе и т.д. Если мы оставим в стороне философский вопрос, должна или не должна этнография заниматься этими явлениями, то это вопрос, (л. 284) который зависит от определения этнографии. Если мы определим этнографию, как определял Лев Яковлевич, то это выключается из программы, изучение новых формаций отпадет. Если мы оставим в стороне вопросы, должны или не должны мы это изучать, то все-таки останется вопрос, умеем мы или нет это изучать. Надо сознаться, что у нас полевой методики и разработки этого вопроса не имеется, и мне казалось, что от положений, должны мы изучать эти явления или нет, надо подойти к методике этих новых явлений.

Вот в основном то, что я хотел сказать. Резюмирую это тем, что, конечно, стационарная работа хороша. Работа, которая дает человеку возможность пребывать долгое время на одном месте, хороша, но не в настоящий период, когда мы присутствуем при полном исчезновении многих этнических особенностей и при отсутствии в целом ряде музеев вообще предметов той или иной народности. Мы должны остановиться вначале на более, может быть, быстрых способах исследования экспедиционным методом, не исключаящим стационара, где он ведется местными силами. Надо добиться возможности обеспечить полностью специалистов, едущих на места, чтобы дать им возможность целиком отдаться своей этнографической работе. Они обойдутся и без того, чтобы заниматься там еще культурной работой. Надо добиться, чтобы этнограф получал свой хлеб без побочной работы.

Ильин

Полевой работе был посвящен доклад профессора Богораза. К числу достоинств доклада нужно отнести те отрезки такового, в которых говорилось о женщине, затем о роли туземцев, о родном языке и о длительном периоде изучения этнографического материала. Язык здесь имеет большое значение, потому что если мы проследим старые полевые работы, то почти в каждой найдем немало ошибок. Например, приведенный пример Потанина, который смешивает в известной работе два кожаных каяка нижней и верхней нагрузки. Роль туземцев и языка была здесь докладчиком правильно уловлена, в отличие от тех старых работ, которые мы имеем в печати. Затем высоко нужно здесь ставить роль женщины, потому что до сих пор женщина Малой Азии (л. 285) или Закавказья была мало изучена. Виновато было в этом отсутствие женщин-этнографов. На Востоке мы имеем женский мир под чадрой или паранджой. Эту половину населения мы при помощи женщин быстрее изучим.

Далее здесь спорным был вопрос о сближении с населением. Здесь я стою на стороне докладчика. Дело не в терминах, а в содержании. Сбли-

жение необходимо. Многие этнографы до революции и сейчас подходят к населению свысока, с пренебрежением, с боязнью заразы и т.д. Я здесь понял докладчика так, что при стационарном методе нужно с населением действительно сживаться. Это усугубляется еще и тем, что мы имеем сплошь и рядом стопроцентное недоверие к приезжим. Трудно, например, работать уездным и даже волостным статистикам, потому что население скрывает свой инвентарь. Так и при этнографическом подходе мы сталкиваемся с недоверием населения. При экспедиционных выездах среди вотяков, когда начинаешь расспрашивать о религии, они думают, что вы собираетесь накладывать лишний налог на жрецов или лишить их права голоса. Внимательный подход к населению необходим.

(л. 286) Наряду с положительными чертами проскальзывали и противоречия. Прежде всего я уловил два противоречия. Первое относительно изучения производственных сил. С одной стороны, это нужно приветствовать, а с другой стороны, это изучение или сугубое внимание к таким группам населения, которые не имеют социальных производственных организаций, как нищие, беспризорные, преступники и целый ряд других лиц, по-моему, являются излишними. Их можно изучать любительским путем. Второе противоречие — это то, что в тезисах говорится: немислима этнография без полевой работы. Это совершенно верно. Но наряду с этим есть выпячивание полевой работы в виде особой специализации. Если мы полевую работу признаем двухсторонне, как теоретически, так и практически, то есть ли нужда выпячивать полевую этнографию как особую специальность? Может быть, это терминологическая придирка? Я был бы за взятие в скобки этой специальности. В качестве дополнения я бы высказал такие пожелания полевой работе. Я внимательно слушал доклады и просматривал тезисы, но не заметил, чтобы где-нибудь уделялось внимание изучению смешанного населения, с одной стороны, и изучению компактной массы — с другой. Ведь мы имеем, с одной стороны, смешанное население, пять-шесть национальностей в одной волости, с другой стороны, целое компактное население — одну национальность. Это приходится учитывать. Компактные массы нет нужды сравнивать. Но если на территории мы имеем три-четыре национальности, рождается необходимость сравнения этого материала. Сравнение диктуется скрещением этнографических факторов на этой территории. Об этом не было сказано в докладе. Такой сравнительный подход раскроет полезность аккультурации более высоко стоящих народов на низкие или, наоборот, с низких национальностей на более высокие. Такие скрещения имеются. Например, вотятско-черемисские и русские взаимоотношения. Такие две отрасли изучения: с одной стороны, компактное, а с другой стороны, смешанное — нужно было оттенить. Нужно было остановиться на плановости проведения специальной работы как со стороны научных работников, так и местных

плановых организаций. Тут мы имеем разнобой: в [19]26 г. в Вотской области работали несколько экспедиций стационарным (л. 287) методом или отдельными выездами. Там были антропологи, этнографы, почвоведы и археологи. Между ними не было никакой сговоренности, работали в разных территориях: северной, южной и средней части. Если бы они договаривались, мы не имели бы таких недостатков, какие были у московских археологов. Если бы эти экспедиции были проведены на одной территории в одно время, они дополняли бы друг друга и могли бы выпустить даже монографии.

Наконец нужна и связь с местами, согласование с местами темы, а то бывает так, что экспедиции выбирают темы неактуальные, население могло бы выдвинуть гораздо более интересные темы, и это привело бы к выяснению местных нужд и большему их удовлетворению. Я стою за то, чтобы была увязка с населением и, наконец, осторожный подход к населению, без чего работа не пойдет.

Аптекарь

К сожалению, принужден начать с критики на этот раз не докладов, а президиума. Доклад тов. Куфтина полностью оправдал те предложения, которые были высказаны рядом наших товарищей, в частности и мною, что нельзя будет подойти к вопросу о методах полевой этнографии, не рассмотрев вопросы теоретические. И действительно Куфтин не удержался от этого. Я считаю большой ошибкой президиума, что он не гильотинировал первой части доклада Куфтина. Но я не буду восполнять ошибки президиума и не использую свое время для того, чтобы снова возвращаться к этому вопросу, тем более что В[ладимир] Г[ерманович] здесь на конференции отказался от защиты своих теоретических взглядов. Он совершенно правильно подошел к делу, взял этнографического быка за рога. Что касается Куфтина, то здесь каждый мог бы констатировать наличие совершенного первобытного теоретического хаоса мировоззрения. На это не стоило тратить времени. Хотя, с другой стороны, имеется превосходный момент по части теории. В частности, то, что возмутило Золотарева. Это понимание расы и антропологии как обществоведческих наук. Это является большим достижением. Сегодня мне пришлось познакомиться в вечерней газете с выступлением Покровского в Москве, которое имело место в субботу. Мне кажется, что для нашей конференции, если она хочет быть конференцией научной, это выступление играет большую роль и конференция на это должна как-то реагировать.

(л. 288) Выступление заключается в следующем. Покровский дал формулировку основных задач марксистской науки: надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного соседства с буржуазной наукой надо считать изжитым до конца. Надо создавать собственную

марксистскую науку. Если до сих пор кое-кто еще мог думать, что мы можем создать себе научную смену руками старых ученых, то теперь эти сообщения надо оставить. Мы должны иметь смену, подготовленную нами самими, мы должны иметь научные труды, приготовленные хотя бы чужими руками, но по нашим планам и проверенные нами на наших практических задачах.

(л. 289) Я, товарищи, отнюдь не хочу сказать тем, что я здесь цитировал этот кусок, из доклада М[ихаила] Н[иколаевича], что мы здесь имеем дело с буржуазными учеными. Ничего подобного, если считаться с фактами, здесь утверждать нельзя. Ничего подобного нельзя утверждать, если считаться с фактами. Но когда вы подходите к этой области в этнографической деятельности, надо считаться с тем, что здесь мы имеем почти на 100 % дело с буржуазным наследством, а к нему с голыми руками подходить нельзя. Здесь снова и снова нужно подчеркнуть особое значение марксистской теории, и эта теория, как и всякая другая, не дается в порядке налета. Нельзя овладеть марксизмом в течение трех заседаний хотя бы, в которых обменяться некоторыми беглыми замечаниями. Марксизм, как и всякая другая наука, должен серьезно прорабатываться, и такую вещь не нужно было бы растолковывать представителям науки. Однако и эту азбучную истину приходится здесь поставить. После того как на этой конференции тупик до известной степени констатирован и защитники этнографии выступают с заявлением, что этнография не совсем наука, это вам уже не только негативный, но и положительный момент развития. Конечно, не по части этнографии как науки, а по части «этнографического исследования» (в кавычках) или по части того, как нужно подойти к тем объектам, которые в реальной действительности существуют и которые никто из научных работников не может игнорировать. Теория, которая не считается с самыми маловажными, с самыми мельчайшими фактами, обречена насмарку (sic!). Таких фактов, которые не могли бы быть обоснованы с марксистской точки зрения, еще нет. Уже в своем последнем тезисе, которым я закончил заключительное слово по своему докладу, я замечал теоретический выход из создавшегося положения. С крушением построений этнологии как науки не решается дело научного исследования тех объектов, которые сейчас несколько неудачно называются объектами этнографическими. Если вы возьмете общество как совокупность производственных отношений, то вы в этом обществе найдете самые разнообразные стороны, и этим самым ставится вопрос о классификации этих явлений, и оставляя пока (л. 290) вопрос о том, что эти явления тесно связаны с другими и потому должны представлять не что иное, как различные стороны единого процесса. Мы практически можем провести деление и синхронически, и диахронически, в разрезе вертикальном и горизонтальном. Я постараюсь доказать, что ни один из тех объектов, которые могут явиться или были объектами изучения,

не выпадают из рамок этой схемы. Я не претендую на то, чтобы здесь дать нечто совершенно готовое. Это, конечно, будет только неким материалом для дальнейшей разработки, но мне кажется, что этим самым выход из тупика может быть найден.

Если мы возьмем общество, то для того, чтобы подойти к нему реально, мы должны оперировать с конкретным обществом, а не обществом вообще или, точнее, конкретным обществом как вариантом конкретной социально-экономической формации, и если вы такое историческое изучение поставите, вы можете перейти, начиная или от верхних границ, от нашего времени, ретроспективно или, наоборот, от самых первичных этапов человеческого общества, от стадии, когда оно появляется и проходит границу между природой и обществом, и подняться вверх. И вот по этим плоскостям вы будете иметь целую серию истоков¹ различных специальностей. Ученого надо понимать, и все и понимают его как специалиста. Ученый — это прежде всего специалист. А мы здесь столкнулись не со специалистами, а с товарищами, претендующими на энциклопедичность. Почти каждый из выступающих товарищей проявлял такие империалистические замыслы, что создавалась какая-то неуверенность насчет того, существует ли у этого товарища область, где он специалист. Эта легкость полета — очень хорошая вещь в некоторых областях. Здесь, в такой области, которая требует особого внимания и осторожности, которая считается признаком подлинного научного работника, такой подлинной осторожности совершенно не было. Подходя к исторической науке, надо обладать специальностью. И мы можем получить историка империализма, историка эпохи промышленного капитала, историка феодальной формации, родового быта, историка тотемического общества и т.д. Мы можем таким вертикальным порядком пройти все области. Мы можем и иначе строить эту науку. Мы можем исходить из отдельных реальных (л. 291) объектов. Изучать язык, религию, жилище, хотя о нем науки еще не построено, но объектом для науки оно может быть. Совершенно был прав тов. Золотаревский², который указывал, что жилище, пища и пр. — не статические моменты, а что в них имеются и динамические элементы. При этом оказывается, что очень много из того материала, который добывается полевыми этнографами, в сыром виде должно быть передано соответствующим специалистам, не подвергая его никакой обработке. В частности, если за материал по истории религии возьмутся этнографы, это будет кустарничеством. Владимир Германович должен в заключительном слове поставить более четко вопрос, что нельзя требовать, чтобы этнографический работник был и швец, и на дудочке игрец. Бывает, что тот или иной работник совмещает все это, но, как правило, надо ориентироваться

¹ Вероятнее всего, в стенограмме ошибка, должно быть — «историков».

² По всей видимости, Золотарев.

только на специалиста. И поэтому всякое изучение в качестве своего основного метода должно выдвинуть именно комплексный метод изучения специалистами конкретной области, причем каждый специалист не должен замыкаться в своей области. И человек, изучающий жилище, не должен подходить к нему абстрактно, беря только жилище и не обращая внимания на то, кто в нем живет, как живет и пр.

(л. 292) Такая проблема, как проблема красного угла в избе, будет непонятна, если не принять во внимание идеологическую надстройку, которая существует реально в головах обитателей. Все эти моменты должны быть изучены. При таком подходе окажется, что целый ряд явлений, которые реально изучаются, но изучаются кустарно, они нуждаются в научной систематизации. Мы можем их рассматривать конкретно как исторические науки, как науку о языке, о религии, науку о том или ином элементе производственных сил. В частности, жилище в этом случае появится в качестве науки об одном из элементов средств производства. Этим самым ни один объект, ныне изучаемый этнографом, не исчезнет с поля нашего зрения, а, наоборот, он получит свое научное место в этих классификационных клетках. Этим самым будет установлено его реальное отношение к другим общим теориям и будет обеспечена увязка всех отдельных институтов.

Феноменов

Говоря о полевой работе докладчика, как мне кажется, остановились на трех главных вопросах: методы организации работы полевой работы; объекты полевой работы и задачи полевой работы. Что касается метода организации полевой работы, то здесь всплыл очень важный вопрос о стационарном методе в противовес методу экспедиционному. Я думаю, что здесь такая точка зрения Вл[адимира] Г[ермановича] была чрезвычайно правильна, и те критические замечания, которые были сделаны по адресу докладчика, нужно в значительной степени смягчить. Дело в том, что мы здесь имеем очень живую и верную мысль и вместе с тем не только мысль, идущую от практики, но это как будто бы выводы теоретические и в западноевропейской науке, что именно метод стационарного исследования является наиболее совершенным. Я думаю, что когда Вл[адимир] Герм[анович] довольно иронически изображал экспедицию, в которой в течение одного месяца приходится заниматься собиранием музейных предметов, он был прав: такая практика существует. И напрасно тов. Левин протестовал против этого. Эта практика существует не только в музеях, но и в институтах, в академической практике. Это зло надо вскрыть и с ним бороться. Но, разумеется, это часто не вина, а беда этнографического учреждения, (л. 293) что оно не может вести стационарной работы, так как очень часто не хватает средств. Однако я думаю, что если бы учреждения, ведущие этнографическую работу, музеи или подготовляющие этнографов

университет и научные институты осознали и вполне оценили значение стационарной работы, они нашли бы возможность откомандировать своих сотрудников на полевую работу не на один месяц, а на годичный или даже больший срок работы, пусть хотя бы даже в меньшем количестве. Если такая практика будет введена в наши музеи и академические учреждения, дело этнографии значительно выиграет.

Вопрос о краеведческой работе. Проф. Куфтин затрагивал этот вопрос не совсем правильно. Тов. Левин тоже однобоко. Краеведение собственно не ждет от них указаний, директив сверху. Краеведы вовсе не хотят собирать полевой материал, они хотят работу, заслуживающую названия «научной». Центральные работники вовсе не должны дирижировать. Это неверная точка зрения. Они должны показывать пример, как надо работать. Если стационарная работа будет введена в практику учреждений, тогда такой пример будет показателен и для местных краеведов, и мы получим ответные примеры. Так что здесь я присоединяюсь к точке зрения Вл[адимира] Герм[ановича].

Затем вопрос о работе экспедиционной, длительной или кратковременной, и вопрос об объектах экспедиционной работы. Здесь получилась некоторая путаница у докладчиков. Причем то, что шло от их практики, было вполне ясно и отчетливо, а то, что они пытались теоретически обосновать, было совершенно неясно. Насколько я понимаю Вл[адимира] Герм[ановича], он представляет себе, что объект работы — это определенная племенная группа, обычно отдаленная от нас, например северные народности. Между тем теоретически он предполагает, что можно этнографически исследовать и группы сложного капиталистического общества: преступников, люмпен-пролетариат и другие группы. Мне кажется, что здесь громадная теоретическая путаница, могущая повредить делу. Я настаиваю на том, чтобы развитое капиталистическое общество не подлежало исследованию этнографическому, а социологическому. Здесь, совершенно правильно в своих примерах указывая на объекты исследования, проф. Тан (л. 294) совершенно неправильно определяет эти объекты теоретически. Проф. Куфтин несколько ближе подошел к вопросу об определении объектов исследования. Мы тут слышали от Яковлева одно из таких определений, что этнография изучает в своей полевой работе доклассовое общество, или, как говорили ученики проф. Штернберга, примитивную культуру. Б. А. Куфтин в своих тезисах предложил определение доиндустриального общества или доиндустриальной формации. Я думаю, что это, конечно, еще не окончательное определение, но оно нас к чему-то подводит и в дальнейшем на основе практики необходимо установить какую-то грань, за которой будет возможно плодотворно работать. Разумеется, только простые этнические группы, стоящие на примитивной стадии развития, могут стать объектом этнографического изучения. Сложное капиталистическое

общество не подлежит этнографическому исследованию, а является объектом истории и социологии.

Затем по поводу целей и задач этнографического исследования В[ладимир] Г[ерманович] не определил эти задачи, но насколько можно было уловить из его доклада, этой задачей является имманентное постижение жизни народов, полное постижение путем очень близкого общения, путем сживания с этим народом. Я думаю, что, как первичная, эта задача вполне может быть поставлена. Что касается проф. Куфтина, то он определил задачу изучения как историческое исследование, но это связано с его теоретическими взглядами. Он сделал возражение проф. Преображенскому о том, что географические зоны, или технически-хозяйственный ареал, не должны быть объектом этнографа, что этнографы не должны стремиться их определить. А дальше сам же говорит, что изучение культурных провинций — задача внеэтнологическая. Я думаю, что это не внеэтнологическая, а чисто этнологическая задача...

(л. 295) Я думаю, что задача этнолога также — намечать известные географические зоны, на которых разнообразно развивается культура, раз вы изучаете историю самой культуры. Я думаю, что момент исторический и географический должен иметься в виду при полевой работе.

Председатель

Товарищи, всего записалось 26 человек. Высказалось только 6. Я вношу такое предложение: трем следующим докладчикам, одному москвичу и двум ленинградцам, дать положенную норму времени — 10 минут. А так как по многим вопросам невольно высказывается то, что думали высказать записавшееся, то желательно сократить время для каждого оратора до 5 минут. Тогда можно было бы выслушать все существенные мысли каждого оратора. Мы должны сегодня закончить прения. Завтра вопрос о высшей школе и вынесение резолюции. Мы должны быть реальными людьми и сегодня заставить себя кончить с этими докладами. Мое предложение: высказаться трем по 10 минут, остальным — по 5 минут.

[Голос] с места

Всем высказываться по 10 минут. Доклад наиболее серьезный. Просим всех высказаться.

Из Президиума

Так как большинство высказавшихся были москвичи, и есть группа ленинградских этнографов, я предлагаю дать высказаться ленинградцам.

[Голос] с места

Мне кажется, что не нужно держаться принципа разделения на Москву и Ленинград.

Председатель

Позвольте проголосовать мое предложение. Кто за это предложение? Кто против? Меньшинство. Слово предоставляется тов. Толстову.

Толстов

Я прежде всего должен сказать, что я хотел бы высказаться по докладу тов. Преображенского, именно сказать, что оба доклада не дали того, что мне хотелось от них получить. Не дал этого ни доклад Владимира Германовича, ни доклад Куфтина. И не только потому, что они были построены не так, как нам хотелось бы, не только потому, что Б[орис] А[лексеевич] занимался высказыванием своих теоретических взглядов, но и потому, что задача была поставлена не та, что нам нужна. Была поставлена задача аргументировать два метода, как будто взаимно исключаящие (л. 296) друг друга, в то время как задача гораздо шире и актуальнее, чем проведение в конце концов политических счетов между школами, одна из которых придерживается стационарного, другая — экспедиционного метода. Поэтому мы и не можем быть всецело удовлетворены обоими докладами. Не можем мы быть удовлетворены и тем, что докладчики сначала делали философские вылазки, причем Влад[имир] Герм[анович] доказал, что то, о чем мы говорили раньше правильно, и то, что он называет применением научного материализма к этнологии, есть то, что мы характеризовали как вульгарный материализм. И Б[орис] А[лексеевич] то же самое доказал, что, желая утвердить положение в начале доклада, он вместо утверждения внес большой хаос, хотя у него и были верные мысли. Поэтому я мог бы многое еще сказать, но я не буду говорить по этому поводу. Я предпочитаю сразу перейти не к обсуждению доклада, а к высказыванию своих положений, вытекающих из моей собственной экспедиционной практики, и остановиться на тех вопросах, которые, мне кажется, могут быть более актуальными, чем разрешение проблемы стационарного обследования.

Мне кажется, разделять эти два метода нельзя. И не прав тов. Богораз, когда он пытается все свести к одному стационарному методу, и не правы товарищи-экспедиционисты, которые становятся в стыдливую позу и говорят так: «Конечно, Богораз прав, стационарный метод — это все, но и экспедиции имеют известное право на существование». Экспедиции являются неизбежным и совершенно правильным методом не из-за нашего нищего кармана, но и потому что без них нельзя обойтись. Можно говорить, что каждое исследование имеет определенную степень приближения к истине, что прежде, чем делать всестороннее описание народа, можно дать его беглое, но ценное описание. Но нельзя считать изучение народности законченным, когда исследователь провел хотя бы и 40 лет в одном пункте и изо дня в день наблюдал жизнь этого народа. Совершенно необходимым является маршрутное исследование, прослеживание и при-

стальное изучение явлений в 1–2–3 пунктах на гораздо более обширной территории. Сам Влад[имир] Герм[анович], как автор этногеографии, не может отрицать того, что, соглашаться ли с его позицией или нет, но анализ географического распространения для этнолога (л. 297) является неотъемлемым методом. И при анализе истории какой-нибудь этнической группы мы не можем обойтись без этого анализа распространения между отдельными ответвлениями этой группы. Поэтому нельзя ограничиваться изучением отдельных групп того же чукотского или финского народов. Необходимо брать большой маршрут и пересекать территорию, на которой обитает этот народ, это племя, изучать ту конфигурацию, которая имеет место в смежных районах, изучать взаимоотношения этнических групп, то есть то, что называется аккумуляцией, и т.д. Стационарного метода в том виде, как его рекомендует профессор Богораз, мы еще не пробовали. Мы практикуем метод более углубленной работы в определенных пунктах, потому что мы работаем в средней России, в русской деревне, которую мы хорошо знаем...

Перерыв

(л. 298) Толстов

Потому что мы работаем в средней России, изучаем русско-финские деревни, которые мы так хорошо знаем, в которых большинство из нас выросло. В большинстве хозяйственные циклы чужими для нас не являются. Но мы все же практикуем, с одной стороны, маршрутное изучение. С другой стороны, длительное, когда мы ведем в отдельных пунктах изо дня в день наблюдение над жизнью данного народа. Это совершенно верно, и с этой точки зрения я считаю совершенно неправильным возражения Феноменова, который выступал с каким-то краеведческим патриотизмом. Мы говорим не об исследованиях индивидуальных работников, а об исследованиях, обогащающих нашу этнографическую науку безразлично, что сделает центральный работник, а что — краеведческий. Важно, чтобы совместными усилиями были построены выводы и собраны материалы. Я бы сказал, что эта кратковременная экспедиция, на которую обрушился В[ладимир] Г[ерманович], не является чем-то абсолютно незаконным. Я исключительно работаю в кратковременных экспедициях, и тем не менее никто из присутствующих, кому знакомы мои работы, не скажет, что они лишены научного значения. Я работал по месяцу, по два и по три, больше не приходилось. Но я из года в год продолжал работать в отдельных, связанных между собой районах, хозяйственно близких между собой. И этот экспедиционный, кратковременный метод оказался наиболее продуктивным. Я приведу в пример большую, колоссальную работу, которую мы с тов. Маркеловым провели по изучению Туруханского края, по месяцу

в год. Здесь мы собирали материалы, которые сейчас занимают примерно 25 печатных листов и которые намечены к опубликованию. Нас работало 10 человек, но эти 10 человек работали одновременно в виде кратковременной экспедиции по изучению целой, довольно крупной по североазиатскому масштабу народности. Я считаю, что кратковременная экспедиция не может исключаться. Это есть первое продвижение, но вполне законное, и против нее возражать не приходится.

Я считаю наиболее интересным выступление тов. Преображенского, который подчеркнул актуальность проработки вопроса об уточнении технической методики (л. 299) этнологического материала. Если мы возьмем программу, которая недавно была напечатана в Ленинграде, то увидим, что она все-таки дает очень мало, несмотря на большой труд, который был на нее затрачен¹. Для неподготовленного работника она абсолютно ничего не дает, а подготовленному работнику она не нужна, потому что он это и так знает, прошел в университете и других местах. Нужно дать методику полевого исследования, научить научно подходить к материалу. Не прав тов. Левин, когда говорит, что метод Вл[адимира] Герм[ановича] ничего общего не имеет с методом вживания, формулировавшегося некоторыми немецкими философами, а именно с методом вживания, субъективного изучения народов. Здесь как бы отрицание возможности объективного документального изучения. Я не говорю о том, что В[ладимир] Г[ерманович] этого не делает. Но, исходя из его положений, можно легко до этого докатиться. Как противоядие нужно выдвинуть то, над чем работает группа московских этнологов, а именно — детальная разработка, точная документация и фиксация материала. Изучение динамики семьи путем статистического учета этой динамики, путем исследования хозяйственных форм и т.д. Все это является тем путем, по которому этнография должна пойти, чтобы стать действительной наукой. Мы должны протестовать против стремления сделать этнографию как бы искусством, интуитивной наукой. Так нельзя подходить. Необходимо сделать этнографию объективной наукой, умеющей оперировать совершенно точным, документальным материалом...

(л. 300) *Маторин*

Товарищи, в Москве сейчас происходит конференция марксистских научно-исследовательских учреждений². Эта конференция имеет огромное

¹ Имеется в виду «Полевая этнография» С. А. Макарьева.

² Имеется в виду II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которая проходила с 8 по 13 апреля 1929 г. в Москве в Коммунистической академии. Эта конференция стала одним из основных событий в борьбе между «деборинцами» и «механистами» (механицистами). Итогом этой конференции стала победа «деборинцев», за которой последовала книга «Современные проблемы философии марксизма», ставшая концептуализацией лагеря А. М. Деборина.

значение для всех наук, не только общественных, но в ближайшее время будет иметь значение и для естественных, и для точных наук. Я думаю, что поскольку на нашей конференции были такие бурные дебаты по принципиальным, теоретическим вопросам о роли марксистского метода в этнографии, постольку все наше совещание, я думаю, единогласно согласится со следующим предложением. Послать приветствие конференции научно-исследовательских марксистских учреждений и там самим рекламировать, что и в области точных наук, которыми мы занимаемся, в изучении тех объектов, с которыми мы сталкиваемся, мы и в дальнейшем будем твердо стоять на марксистской почве. (*Аплодисменты.*)

Председатель

Позвольте поручить Президиуму выработать текст приветствия.

Крейнович

Товарищи, этнографическое изучение в СССР пошло по двум методам: стационарному и экспедиционному. Тут выступал представитель экспедиционного метода тов. Куфтин, Серебровский¹, Преображенский, Левин и Толстов. Тов. Преображенский кинул такую фразу: «Если мы будем чиновниками в поле, мы ничего не сделаем в этнографии». Я думаю, что этот упрек кинут нам. Но мы не являемся чиновниками в поле. Мы являемся там культурными работниками, а не чиновниками. Разрешите зачитать телеграмму тов. Молла², нашего этнографа, работающего в Чукотке: «Объехал юг района, скоро еду [на] север. Работы много. В культурбазе провел 5 бесед на чукотском языке...» Тов. Молл — практический работник, провел на месте, изучил чукотский язык у Богораза, проводит там собрания, является практическим советским работником. Практическая работа, тов. Преображенский, не вредит этнографической. В ней мы сживаемся с туземцами. Мне вспоминается пример Руденко³. Он делал экспедиции на Алтай и брал с собой не больше не меньше кумачовый мешок, чтобы спастись от блох. Мы этого не делаем. Мы едем к ним в дома, живем с ними, а не приезжаем как гастролеры и не смотрим сверху вниз. Мы являемся для них практическими работниками.

¹ Видимо, это студент В. Серебряков, проводивший свои полевые исследования у хакасов. Известна его статья: *Серебряков В.* К вопросу о праазиатских элементах культуры у хакасов (из материалов поездки в Хакаский округ Сибкрая летом 1927 г.) // *Этнограф-исследователь.* Л., 1928. № 2–3.

² Имеется в виду П. Ю. Молл — этнограф, ученик В. Г. Богораза.

³ *Руденко Сергей Иванович* (1885–1969) — русский и советский этнограф, антрополог, археолог. Доктор технических наук (1944), профессор (1919, 1950). В 1930 г. был арестован, процесс над ним был назван «руденковщиной». Занимался этнографией и физической антропологией обских угуров и башкир. Автор раскопок всемирно известных Пазырыкских курганов.

(л. 301) Теперь я хочу перейти к нашим методам стационарной работы в поле. У нас есть 4 основных пункта нашей стационарной работы. Это, во-первых, языковость; во-вторых, изучение циклического характера производственной деятельности человека на протяжении года; в-третьих, изучение культурного комплекса этнических групп в его расчленении на составные части материальной и духовной культуры. Нужно сказать, что это расчленение, конечно, искусственное. Затем, в-четвертых, это что стационарный метод требует от этнографа культурной советской работы в среде изучаемой народности. Разрешите вкратце перейти к обоснованию этих методов. Языковость нам нужна. Язык является не только средством выражения, но и культурным достижением человека. И мы изучаем его так же, как изучаем культуру, религию и пр. Что нам дает язык в смысле понимания его психологии? Разрешите один пример. Когда туземец идет на охоту ловить рыбу, предположим, форель, он называет <...>. В переводе это значит «многопятнистая». А вообще он называет ее иначе. Вы подходите таким путем к его психологии, к его религии. Есть масса примеров. Например, ветер по-гиляцки называется <...>. Когда шумит листва — ветер сердится. Когда хорошая погода, он говорит: ветер хороший. Ветер как будто живое существо, и вы начинаете искать и делать выводы. На Амуре есть 4 названия. Оказывается, что северный ветер — женщина, юго-восточный — тоже. В чем дело? Вот и подошли к тому, что ветер — это женщина. Вот вы подошли от языка к пониманию психологии. Сможете вы это сделать во время экспедиционного метода? Нет, не сможете.

Разрешите перейти к изучению циклического характера производственной деятельности человека, в течение года. Я сейчас сижу над работой «Рыболовство у гиляков». Эта работа проработана в поле. Она взята как годовой кругооборот хозяйственной деятельности человека. Вы видите, что в одно время года он занимается рыболовством, в другое — морским промыслом, в третье — сборами ягод, трав и охотой на пушного зверя. Изучая эти занятия, вы увидите, что их названия имеют производственный характер. Вы иногда можете подметить даже годовое разделение труда между мужчинами и женщинами. На этом (л. 302) годовом кругообороте хозяйственной деятельности человека наслаиваются определенные родовые празднества, которые соответствуют определенным месяцам. Когда вы начинаете их изучать, изучать религию, вы подходите к их психологии. И получается очень интересная вещь. На моей работе, например, я проследил, что когда вы изучаете хозяйственную деятельность, например гиляк[ов], или годовой кругооборот празднеств, вы видите, что годовому кругообороту хозяйственной деятельности соответствует годовой кругооборот разделения труда и определенных родовых празднеств. Исходя из хозяйственной деятельности человека вы все это можете объяснить. Дальше. Имеется масса элементов, которые вы объяснить не сможете. Это пере-

житки предыдущих формаций. Вы пытаетесь эти пережитки объяснить более глубокими слоями. Дальше в культуре гиляков вы начинаете замечать, что есть масса элементов, которые объясняются производственной деятельностью, заимствованной из чужой культуры. Вы начинаете распространять свое изучение на окружение народа по линии изучения горизонтального разреза. Тогда как первый разрез был вертикальный.

Перейду к пункту изучения культурного комплекса этнических групп. Здесь возражали по поводу ненаучности этого термина. Это термин относительный. Вот пример: тов. Аптекарь говорил об изучении жилища. Я не хочу вам бросать упрека, но в том, как вы высказали вашу мысль, заметен формальный подход, который присущ этнологам. Жилище нельзя рассматривать как дом, сруб и более ничего. Жилище имеет большое значение в том культурном комплексе, где оно создано. Вы увидите, что в пороге живет дух собаки, что в дымовом отверстии тоже живет какой-то дух, что в стенах живут духи и т.д. Вы идете дальше, изучаете огневище и видите, что это очень сложный комплекс, в котором нельзя отделить элементы материальной от духовной культуры. Нельзя формально подходить к изучению таких сторон культуры. Подход к изучению отдельных слоев культуры, материальному изучению, возможен. Изучение должно быть диалектическим...

(л. 303) Подход к изучению отдельных слоев культуры, материальной, социальной и духовной, возможен только в процессе экспедиционной работы. У нас гибнут народы, говорит тов. Левин, надо ехать в поле, хватать предметы и привозить в музей. Тов. Левин, вы хорошо делаете, что ездите в поле, хватаете предметы. Но ту роль, которую они играют в этнических группах, вы выясните в короткое время не сможете. Получается так, что во многих местах у нас есть предметы, собранные 200 лет тому назад, а значение их нельзя выяснить, потому что они собраны кратковременными экспедициями. Я хочу сказать, что мы, работающие стационарным методом, не белоручки. Мы занимаемся не только научной работой, но и культурной. Лично я был преподавателем по ликвидации неграмотности, уполномоченным по туземным делам и в то же время работал санитаром во время экспедиции. Болел цингой, но и это не исключало работы. Эта работа не мешала научной работе. Она создавала тесную связь с туземцами. Мы не были гастролерами, не ходили в белых перчатках. Я считаю, что задача нашей конференции — сказать, что, без сомнения, единственно научным методом в этнографии является метод стационарный. Экспедиционный метод возможен только после работы в поле. (*Аплодисменты.*)

Винников

Я хотел обратить внимание полевых этнографов или этнографов, работающих в поле, на то, что отсутствие научного метода в этнологии,

отсутствие, скажу просто, социологического подхода к этнологическим данным сказалось не только теперь, когда наша наука вступила в фазу научного обобщения, но это оказало свое влияние и на самый характер нашего этнологического материала. Если мы возьмем нашу литературу по отсталым народностям Союза, то мы увидим, что далеко не все разделы культуры представлены одинаково полно, в одинаковой степени. Мы увидим, что на первом плане стоит материал по религиозным верованиям, по примитивным представлениям. По этому вопросу у нас материал довольно богатый и обширный. На втором плане идет материальная культура. Социальные явления и социальная культура — только на третьем плане. Не только далеко не все институты социальные, существующие у наших народностей, описаны в литературе, но, больше того, даже явления (л. 304) религиозного порядка очень часто описываются вне социальной среды, так что абсолютно не представляется возможным что-нибудь сделать с этими сообщениями. Это явление не только у нас, но и в западноевропейской литературе, и в литературе американской. Если мы берем какую-нибудь монографию, то там больше всего внимания уделено религиозным верованиям, религии, затем идет материальная культура, а меньше всего уделяется внимания социальным явлениям, жизни разных социальных институтов. Это есть недооценка социальных факторов. Мне кажется, что нашим работникам, работающим в поле, нужно срочно заполнить эти пробелы. Это тов. Левин не этнические группы катастрофически умирают, а исчезают катастрофически этнологические учреждения.

Возьмем проблему тотемизма у наших народностей. Есть на этот счет определенная точка зрения в нашей литературе? Нет абсолютно никаких намеков, никаких указаний на существование у наших народностей тотемизма. Априори же можно сказать, что тотемизм у наших народностей, бесспорно, есть, ибо тотемизм распространяется по всей Северной Америке, существует у всех североамериканских индейских племен до Аляски.

Возьмем затем такой интересный институт, который тоже существует в разных частях света, — институт дарения, которым на Западе интересуются все этнологи. Есть у нас этот институт дарения? Безусловно, есть. А в литературе этот институт совершенно не описан.

Возьмем следующий институт, опять-таки в значительной степени интересный для нас, потому что описан и существует у всех народов Северо-Западной Америки, — институт <...>, который имеет колоссальное значение для первобытного хозяйства, для первобытного общества. И этот институт в нашей литературе не выявлен, не описан, хотя он, бесспорно, существует. У меня для этого есть данные.

Родовая организация — до сих пор спорный вопрос. Одни отрицают, другие признают ее. В чем же дело? Почему же до сих пор родовая организация не выявлена у наших народностей? Количество (л. 305) этих при-

меров можно умножить до бесконечности. Я ограничусь только приведенными. Моя цель — показать, что это есть большой минус в нашей литературе, что жизнь социальная, социальные институты недостаточно представлены в ней. Не представляется возможным работать и двигаться дальше, если не будет этот пробел восполнен. Происходило же это потому, что не было у нас социологического подхода к явлениям социальной жизни. Я считаю, что наше совещание должно объявить эту задачу весьма срочной и актуальной. Совещание должно издать программы, детально разработанные по этнографическим экспедициям, и по этнографической работе, и стационарной полевой. И в этих программах должны быть особо указаны и отмечены те актуальные проблемы, которые должны быть в первую очередь социологизированы.

(л. 306) *Герд (Герд)*¹

Я не буду касаться общих теоретических вопросов, остановлюсь лишь на вопросе об изучении народов СССР, на вопросе, о котором очень мало говорят и к которому с большими ошибками подходят. Я очень жалею, думаю, что и другие товарищи, представленные на этой конференции, тоже сожалеют о том, что нет специального доклада об этнографическом изучении народов СССР или «Этнография в строительстве национальной культуры народов». На этот вопрос нужно обратить внимание, и мы будем надеяться, что в будущем этнографическом съезде этот вопрос будет выделен. Я хочу сказать об идеале работы, о совместной работе туземцев и приезжающих этнографов. И как-то не сходится приятное и нужное желание проф. Богораза с теми выступлениями и доводами, которые шли из уст тов. Толстова. Я не знаю, как он будет работать, когда так поверхностно подходит к деревне, особенно к национальной деревне. Его летучая фраза о том, что знаем русскую и финскую деревню, что все мы выросли там, говорит о поверхностном подходе к работе, как и его утверждение о кратковременном экспедиционном методе. Я бы лично протестовал против такого подхода и могу заявить, что я не знаю хорошо вотятскую деревню, хотя и вырос в ней. Вотятская деревня и мой собственный дом за время моего пребывания в городе постоянно меняется. Когда я родился, был один план моего дома, на следующий год — другой, и так всю жизнь меняется, сейчас уже 4-й план дома, так что говорить о том, что мы прекрасно знаем деревню, — нельзя. Нужно приветствовать прекрасную мысль о таком идеале работы, но вместе с тем не нужно подходить к местным

¹ *Герд Кузубай* (настоящее имя: *Чайников Кузьма Павлович*) (1898–1937) — удмуртский поэт, этнограф, фольклорист. Этнографией увлекся в 1918 г. после встречи с известным этнографом А. Н. Максимовым; вступил в местное Историческое общество, которое возглавлял М. Г. Худяков. В 1926 г. основал краеведческое общество в Ижевске. В 1932 г. арестован по «делу СОФИН». В 1937 г. расстрелян.

национальным работникам так, чтобы смотреть на них сверху вниз. На этой конференции говорят об этой работе и вместе с тем боятся, что огромная волна людей, которая идет к нам, нас захлестнет. Наоборот, некоторые товарищи не учитывают той волны этнографической и краеведческой научной мысли, которая растет в самих окраинах, где создаются культурные очаги и центры. О создании культурных очагов и центров нужно, конечно, позаботиться и об этом поговорить. Здесь проскальзывают некоторые дирижерские нотки по отношению к местным краеведческим работникам.

(л. 307) Наши молодые этнографы-марксисты имеют ряд ляпсусов в подходе к изучению национальностей, об этом говорит доклад тов. Толстова, когда он говорит о шовинизме. Здесь ваше наблюдение за народностями как за далекой кометой. Он ведь глубоко не разбирается в том, какие причины находятся в этом шовинизме. Надо глубже подходить к этому вопросу. Я не хочу подробно анализировать, что такое шовинизм. Я скажу, что шовинизм на местах нельзя сравнивать, например: украинский и вотятский — две вещи совершенно различные, но поскольку шовинизм крупных народностей, достигших развития капитализма, реакционен, постольку шовинистическое начало мелких народностей — явление пока прогрессивное. Пора бы этнографам перейти на ту точку зрения лабораторных работников, которые делят народы на более развитые и малоразвитые. Я бы просил тов. Толстова прочесть платформу ВОА¹, где это положение четко проведено. Подходить с одной меркой ко всем народностям нельзя. Что касается шовинизма, то шовинизм одновременно явление и реакционное, и прогрессивное. Кроме этих групп, есть еще третья группа, которая борется с этими группами, — группа, отрицающая национальную культуру. Тот же писатель отрицал родной язык и культуру и писал об этом. Среди нашей интеллигенции есть интеллигенция царского времени, строившая эту русскую культуру: становые, урядники и т.д. Весь этот привилегированный слой и после революции для того, чтобы помешать социалистическому строительству, говорит: «Нужен родной язык и русская культура», так как кулаку выгодно поддерживать русскую культуру, и для того, чтобы поставить преграды культурному возрождению, они говорят о том, что нужен родной язык. Для борьбы с ними у нас есть целая группа национальных слоев, наши партийные товарищи, которые отрицают значение родного языка, говорят о языке интернациональном. Между прочим характерно отметить Лудорвайское дело², которое является в этом отношении характерным явлением. (л. 308) <...> но когда вскрылись глубокие

¹ Значение аббревиатуры установить не удалось.

² Лудорвайское дело — прошедший в конце 1928 г. в Удмуртии судебный процесс против группы «кулаков» из деревни Лудорвай и соседних сел, обвиненных в применении телесных наказаний против бедняков.

классовые корни Лудорвайского дела, суд присудил виновников очень строго. И тогда эта группа говорит, какая нехорошая советская власть: раньше нас царь судил, а теперь советская власть нас так хлещет. Это реакционные элементы страшно сильно используют. Как же быть? Бить направо и налево нельзя. Нужно подходить к этим явлениям осторожно, а не поверхностно.

Здесь еще очень интересен центральный пункт в докладе Вл[адимира] Герм[ановича] — родной язык в полевой работе.

Маторин

Я прежде всего хотел сказать, что неправильна мысль, будто можно с теоретическими вопросами покончить и перейти только к одной практической работе. Я думаю, что вопросы практической работы мы не можем разрешать с точки зрения того, что Левин называл беспринципным делячеством. Мы можем исходить только из определенной теоретической платформы. Поэтому я вынужден, с места в карьер, отмежеваться от методологической путаницы, которую мы видели в докладе Б. А. Куфтина и которая произвела, вероятно, на все совещание угнетающее впечатление. Что касается чисто практической части этого доклада, то я, может быть, отношусь с глубоким уважением к тому, что на практике проделал Б[орис] А[лексеевич], но я считаю, что это менее всего нашло отражение в его докладе. Я приветствую слова Вл[адимира] Герм[ановича], где он сказал, что отказывается от целого ряда тех или иных, может быть, теоретических промахов методологического свойства, которые у него есть, и что он сосредоточивает свое внимание на непосредственных задачах полевого исследования. Вместе с этим, товарищи, нельзя не сказать, что самое то, это полевое исследование может быть вполне плодотворным лишь тогда, когда оно покоится на твердой теоретической базе. И в этом отношении, с точки зрения, (л. 309) подхода к объектам изучения, с точки зрения подхода к самому этнографическому материалу, у меня, например, нет никаких расхождений с тов. Аптекарем. Сегодняшнее его выступление я приветствую. Если есть люди, которые во всем этом, может быть, готовы занять позицию *Tertius Gaudens*¹, то я думаю, что в результате этого обсуждения может быть сделан совершенно иной вывод, а именно тот, что тем или иным путем, может быть, в очень жарких боях и схватках, но марксизм прокладывает дорогу в самую сердцевину научной работы. И здесь, конечно, такой *Tertius Gaudens* в конечном счете обречен на полное вытеснение и из полевой работы, и если хотите, и из кабинетной, потому что теоретическая база у нас должна быть совершенно иная.

¹ *Tertius gaudens* (лат.) — «третий радующийся» (третье лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников).

Теперь, по существу того, что говорилось в обоих докладах. Прежде всего я хотел бы сказать, что стационарный метод не исключает экспедиционной работы. В отношении, например, восточных славян, в отношении русских, в отношении украинских и белорусов мы имеем вполне законную возможность организовать экспедиции и долговременные, и даже кратковременные, с узкими цифровыми задачами. И необязательно нам превратиться в народников 70-х годов и делать все, что они проделывали во время хождения в народ: косить, пахать, хлебать из общей чашки и все прочее, потому что в данном случае мы имеем гораздо большую степень изученности. Иное дело, когда перед нами народы сравнительно более отсталые или же имеющие специфический культурный комплекс. Нам приходится, конечно, следовать примеру классиков, полевых этнографов, работавших как в прошлом столетии, так и наших современников, которые показали нам, что необходимо вжиться как следует в жизнь данного народа.

Стационарный метод, как его понимает В[ладимир] Г[ерманович], не только, возможно, не осуществим, но даже наверняка не осуществим где-нибудь на Западе или в тех же Соед[иненных] Штатах, не осуществим потому, что у западных исследователей подход совершенно иной, чем тот, который должен быть у исследователей (л. 310) советских. Я не согласен с теми, кто думает, что можно наездом или через переводчика действовать в среде того или другого народа. Я думаю, что будет самым правильным изучение языка и изучение всего быта данного народа.

Если мы хотим диалектически подойти к вопросу, учитывать необходимость разного подхода в русской деревне и среди гиляков или самоедов, то мы должны сказать, что стационарный метод должен быть основой для изучения малых отсталых народностей по преимуществу. Но в отношении тех же русских или украинских, я думаю, что и здесь можно и нужно применять такие длительные исследования, которые бы охватывали явления со всех сторон. Возьмем, например, работу Феноменова «Современная деревня»¹, работу, которую проделывают некоторые украинские этнографы, которые берут один район и в течение ряда лет изучают его со всех сторон. Такая длительная работа, включающая и житье на месте, и выезды со специальными цифровыми заданиями, может и должна иметь место в отношении нашей русской деревни.

Понятно, что такие методы работы, какие в свое время практиковали некоторые этнографы, должны совершенно отойти в область истории: Макар Евсеевич Евсеев, критикуя работу Смирнова о мордве, рассказывал,

¹ Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М.; Л., 1925.

как собирались эти сведения: пока перепрягают лошадей на постоялом дворе, он записывает¹.

Я не думаю, чтобы сейчас были такие вещи, хотя ручаться трудно. Но, во всяком случае, если мы сравним такой кустарный подход и то, что В[ладимир] Г[ерманович] предлагает взять за основу, то мы должны сказать: да, здесь действительно жизненный, действительно научный подход.

На что нужно сделать упор в отношении большинства неизученных или малоизученных национальностей Советского Союза? Тов. Герд затронул вопрос о различных национальностях в отношении шовинизма. Есть шовинизм, а есть и похуже. Эту штуку я, в частности, встречал среди вотяков и чувашей. Есть известный кадр национальной интеллигенции, воспитанный при царском режиме в подхалимском и рабском духе, которая специально воспитывалась не для того, чтобы служить своему народу, а чтобы помогать этот (л. 311) народ эксплуатировать. Я присутствовал однажды в Казани на собрании вотяцкого землячества, где стоял доклад о человеческом жертвоприношении у вотяков. Доклад делал известный в Казани доктор Хомяков², а председателем был И. С. Михеев³, один из известных представителей вотяцкой интеллигенции старого типа. После доклада он и говорит: «Я это дело изучал, оно в Казани находится в архиве. В мултанском деле⁴, я бы сказал, вотяки не без греха». И это говорит вотяк. В книжке о Волжско-Камском крае я пригвоздил этот факт к позорному столбу. Надо иметь в виду такие факты, которые являются показателями реакции этого подхалимства. Возможна и другая сторона. Это флюс справа, а бывает флюс слева. Это утрировка, попытка придать самому распространению своей народности какие-то чрезвычайно широкие, необычайные размеры, тут начинается и копание в Геродоте и т.д. с определенной тенденцией. Несколько примеров таких явлений можно привести из той

¹ По всей видимости, имеется в виду работа: *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. (Переиздание: Саранск, 2002.)

² Вероятно, имеется в виду казанский терапевт *Хомяков Михаил Аристархович* (1841–1894).

³ *Михеев Иван Степанович* (1876–1937) — удмуртский писатель и педагог. Окончил Казанскую учительскую инородческую семинарию (1896). В 1924–1929 гг. преподавал на рабфаке Казанского восточно-педагогического института, с 1929 г. — в вузах Средней Азии. В 1937 г. был репрессирован и расстрелян.

⁴ Мултанское дело — судебный процесс 1892–1896 гг. над группой крестьян-удмуртов (вотяков) с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии, обвинявшихся в человеческом жертвоприношении языческим богам. Суд, состоявшийся в декабре 1894 г. в г. Малмыже, оправдал троих, признав виновными в ритуальном убийстве и осудив на каторгу семь человек. На третьем разбирательстве в мае–июне 1896 в г. Мамадыше Казанской губернии обвиняемые были оправданы. На стороне обвинения в процессе выступал казанский этнограф И. Н. Смирнов.

же Казани: спор между татарами и чувашами о том, кто из них происходит от болгар, кто является прямыми их наследниками; или спор о том, кто является строителем башни Сюни-Бека¹: с одной стороны, она как будто бы напоминает Муралееву мечеть², а с другой стороны, походит на Бородинскую башню в Кремле, татарская она или русская. Эти болезненные явления, конечно, временные, и они должны войти в свои берега по мере того, как нарождается на местах новая рабоче-крестьянская интеллигенция, по мере того как крепнет советская общественность, по мере того как люди научаются ко многим вопросам подходить с интернациональной точки зрения.

Теперь о стационарном методе. По мере того как на местах растут эти люди, они переходят к краеведческой работе не стихийной и кустарной, а соединенной с творческой, общественной работой, и в этом смысле рост краеведческого движения и рост новых туземных кадров советской общественности поможет в дальнейшем и уже сейчас помогает развитию этнографической науки.

(л. 312) Последний момент — о некоторых явлениях в нашей деревне, которые, мне кажется, подлежат особому изучению этнографа. Это ряд явлений, таких что ли синкретических явлений на переломе. Можно указать ряд примеров, когда в старые формы вливается новое содержание. Несколько лет тому назад в Гдовском уезде я как раз был на Пасхе у одного крестьянина, бывшего питерского рабочего. Он угощал меня пасхой, на которой вместо «Христос воскрес» было «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «СССР» и т.д. Одним словом, эту пасху покрыла советская идеология. Другой случай был в Л<...> волости Ленингр[адского] уезда. Так, у меня работал студенческий семинарий из Комвуза по изучению деревни: вхожу в одну избу, смотрю, висит у кровати занавес и на нем крупными буквами «РСФСР». Третий пример из Тат[арской] республики: конек крыши, и на нем изображен[ы] вместо обычного конька или петуха рабочий и крестьянин, подающие друг другу руки.

В самые старые формы вкладывается совершенно новое содержание. Эти новые моменты чрезвычайно важно изучать.

В заключение я хотел бы сказать, что метод полевой работы, который предлагается в докладе В[ладимира] Г[ермановича], может быть, с некоторыми урезками, с некоторыми оговорками, но является тем основным завоеванием практической этнографии, которое мы должны положить в основу дальнейшей работы. И бесспорно, что этнографы, стоящие на

¹ Имеется в виду башня Сююмбике — дозорная (сторожевая) башня Казанского кремля.

² Муралеева мечеть (мечеть Нур-Али) — несохранившаяся мечеть в Казанском кремле.

марксистской точке зрения, на том, чтобы наиболее полным всесторонним образом исследовать объекты нашего изучения, они, конечно, сумеют из наследия старой этнографии выбрать то, что является наиболее жизненным и важным. И с этой точки зрения те методы, которые предлагает В[ладимир] Г[ерманович], они, бесспорно, должны лечь в основу нашей полевой этнографической работы.

(л. 313) *Яковлев*

Я хочу сказать относительно полевой и кабинетной работы. Тут говорилось, что кабинетная работа должна быть. Даже у Петра Федоровича есть как будто уклон в сторону кабинетной работы. Я думаю, что, потому что П[етр] Ф[едорович] — начинающий полевой работник, и в дальнейшем у него точка зрения изменится. Вопрос о том, какая работа здесь важнее, сводится к такому вопросу: что важнее — есть или переваривать? Я думаю, то и другое одинаково важно. Я не мыслю настоящего этнолога без того, чтобы он не знал полевой работы и не имел бы в ней опыта.

Затем тут же возник вопрос о методе исследования или о различных методах исследования. Выдвигался долговременный и кратковременный экспедиционный метод, стационарный. Тут надо устранить недоразумение, а именно, что речь идет не методе, а о технических приемах и навыках исследования. В докладе внимание было обращено на срок поездки, между тем, кроме этой стороны, есть целый ряд технических признаков, на которые тут правильно указывали. Например, встает вопрос о том, как фиксировать самый материал, как описывать, каким методом, хотя бы методом производственным, то есть фиксировать предметы культуры в процессе его производства. Это очень важно, так как те части, которые входят в технику собирания, обойти нельзя.

Теперь по поводу того, что стационарный метод является самым лучшим, я должен высказать некоторое сомнение. Мы не должны выбрать один прием для этнологического исследования. Технические методы должны быть разнообразны, разносторонни и достаточно гибки для того, чтобы можно было выбрать применительно к данному объекту обстоятельств. Я не хочу опорочивать стационарный метод, как его понимает Владимир Германович, он был разработан на основании опыта целой жизни и дал хорошие результаты, но в определенной обстановке — изучение сибирских народностей, а в другом месте он, может быть, даст отрицательный результат. Этот прием в исследовании не абсолютный, а относительный. Этнограф должен уметь выбрать прием применительно к работе.

Вопрос относительно того, что изучать. Изучать ли нам комплекс и как этот комплекс проводить? Тут надо перейти от средневекового (л. 314) метода работы, метода, который до сих пор применяется и смахивает

больше на метод кустаря-одиночки, который должен на месте всю работу выполнить сам, перейти к строгой специализации и разделению труда, чтобы комплексная работа руководилась коллективным методом. Экспедиции должны быть коллективными, как и всякие другие формы исследования.

Затем перейдем к вопросу о том, как быть с подходом к народностям, как нужно вживаться или не вживаться, кормить вшей или спать в кумачовых мешках. Есть такие люди, которые хвастают тем, что заехали к туземцам и ничем от населения не отличаются, рук не моют и в баню не ходят. Есть все-таки предел: надо приблизиться к населению, но не потерять культурный облик и не ассимилироваться самому и превратиться в самоеда. Дальше я хочу сказать по вопросу о том, бороться нам, например, с религией или мы должны ее изучать. Надо сказать, когда идет, напр[имер], война, то она в том и заключается, чтобы изучить врага, а затем использовать свои знания. Ни одна борьба не совершается без знания противника. Этнограф, который хочет бороться, прежде всего должен иметь знания по этому вопросу, а затем он может спокойно бороться.

Относительно языка я должен сказать, что здесь нельзя встать на такую точку зрения, что этнограф должен знать фонетику, морфологию, это совершенно невозможно, он этой задачи никогда не достигнет. Это должен делать лингвист, этнограф должен практически овладеть языком, а остальное переложить на лингвиста.

Этнограф должен участвовать в культурработе и в национальном строительстве. Участие этнографа в национальном строительстве не было здесь подчеркнуто. Это вопрос очень важный, и ему надо посвятить отдельный доклад.

(л. 315) Токарев

Я хотел бы остановиться, во-первых, на том вопросе, на котором полностью сходятся оба докладчика и, по-видимому, большинство здесь собравшихся, а именно на тезисе, который гласит, что не может быть этнографа, не работающего в поле. Я позволю себе не согласиться с этим утверждением в такой категоричной форме. Я знаю, что полевая работа чрезвычайно полезна не только для собирания материала, но и для чисто исследовательской работы. И в то же время я выскажу мнение, что эта работа для исследователя не является необходимой, и вот почему. Во-первых, многие из выступающих здесь, в том числе и докладчики, указывали на то, что этнография или этнология есть наука историческая и что объекты ее и метод, которым она пользуется, почти те же, что и у исторической науки. Однако, если бы историки столкнулись с требованием необходимости полевой работы, они были бы лишены всякой возможности

работать. Историческое исследование не требует непременно личного знакомства со всеми изучаемыми материалами. Мы изучаем Французскую революцию по письменным источникам и вооруженные методом исторического материализма, мы можем понимать эти объекты, не будучи лично с ними знакомы. Точно так же и в этнологии мы имеем целый ряд случаев, когда личное знакомство с объектами изучения просто невозможно или потому что данная народность исчезает, или потому что ее культура перестала существовать как нечто особое (например, камчадалы), или потому что народ живет так далеко, что к нему не попадешь. Даже там, где исследователь имеет возможность работать в среде данного народа стационарно, он не ограничивает свою эрудицию пределами личного наблюдения. Вл[адимир] Герм[анович], который дал нам образец классического описания общества и культуры палеоазиатов, сам не ограничивает свою эрудицию только палеоазиатами. Он по письменным материалам знаком и с другими народами, населяющими земной шар.

(л. 316) Могут сказать, что и Вл[адимир] Герм[анович], и всякий, кто знаком с каким-нибудь народом по личным наблюдениям, лучше понимает общество, общественный уклад и культуру другого народа. С этим я опять-таки позволю себе не согласиться. В таких случаях часто происходит перенос, может быть и бессознательный, своих личных наблюдений, вынесенных из жизни одного народа, на общественный уклад и культуру другого народа. Ведь, в частности, метод исторического материализма категорически запрещает переносить то, что мы видим в одной общественной формации, на условия жизни общественной формации другого типа. Поэтому я и опасаясь, что полевая работа среди одного народа может иногда не принести никакой пользы для понимания народа, живущего в совершенно других условиях. Мало того, работа в пределах данной народности не всегда гарантирует исследователя от непонимания того, что он видит собственными глазами. Мы имеем огромное множество этнографической макулатуры, совершенно малоценной, а иногда и вредной. Описание какого-нибудь народа наблюдателями, видящими данный народ собственными глазами, но не понимающими того, что они видят, так как они не вооружены соответствующим методом.

Я не буду говорить о случайных наблюдателях, а укажу на Моргана, который прожил много лет среди ирокезов и не понял основного института, о котором он писал и которому сам придавал громаднейшее значение, — системы родства.

Прав был Преображенский, говоривший о том, что задачей полевой работы является выработка таких точных методов датировки, фиксации и документации материалов, которые позволят исследователю, не жившему лично среди данного народа, все-таки заниматься продуктивной исследовательской работой.

(л. 317) Данилин¹

Оба докладчика сходятся в том, что стационарный метод в наших условиях является основным методом, которым мы должны ввести в полевую работу. В известной мере этнографической экспедиции тоже отводится место в случае большого территориального охвата на изученный район, в случае ликвидации абсолютно белых пятен на нашей этнографической карте и в целом ряде других. Совершенно определенно всеми подчеркивалось, я к этому тоже присоединяюсь, что особенность стационарного метода в том, что мы должны слиться с населением, так как это даст больший эффект нашей работе. Здесь надо отметить интересную сторону, а именно: когда наблюдается такая тенденция — слиться, но с явно негодным методом, например слияние, которое происходит на почве угощения водкой, слияние, которое осуществляется путем принесения им в подарок (прежняя торгашеская точка зрения) колечек, серьги, иконы Николая Чудотворца и т.д., получая взамен меха. Едва ли при таких условиях можно требовать от этих работников антирелигиозной пропаганды. Наша задача стационарного работника — конкретно участвовать в работе, в жизни этого населения с целью не только его изучения, которое дает наибольший эффект, но и переустройства, внесения туда культурных навыков, помочь перестроить жизнь на новых началах.

Хотелось бы осветить еще один момент, а именно — некоторые устанавливают определенные тенденции консервирования некоторых институтов: раз они исчезают, необходимо бережное к ним отношение, чтобы они были в такой стадии, чтобы их можно было изучать. Это не является нашей задачей, мы не должны это делать путем консервативного заповедничества.

(л. 318) Арбузов

Я скажу два слова относительного стационарного и экспедиционного методов работы. Безусловно, первый из них имеет много преимуществ перед вторым. Но тут уже много говорилось о том, что этнография до сих пор не служит современности, и когда мы подойдем к этнографии с этой точки зрения, то перед нами встает другой вопрос, а именно то, что мы называем социальным заказом или злободневными вопросами. Эти вопросы подчас требуют спешного выезда, и часто не на продолжительное время, для выяснения того или иного определенного явления. В таких

¹ Данилин Андрей Григорьевич (1896–1942) — этнограф, специалист по русским, Алтаю, Дагестану. С 1925 г. заведовал этнографическим отделом Музея ЦПО в Москве. В 1930–1932 гг. — научный сотрудник ГАИМК, одновременно в 1931–1933 гг. — научный сотрудник ИПИН. С ноября 1933 г. — научный сотрудник ЭО ГРМ, с 1934 г. — ГМЭ. В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии».

случаях приходится предпочитать такие кратковременные выезды стационарному методу, несмотря на всю научную ценность последнего.

Теперь я хотел бы, хоть отчасти, перечислить эти злободневные для этнографии вопросы. Здесь один товарищ уже указывал на то, что у нас изучение социальных вопросов, социальных взаимоотношений занимает третье место. Мне хочется эту мысль дополнить. Возьмем, например, так называемое обычное право, которое уже создается в семейных взаимоотношениях, внутри семей разных национальностей и разных территорий нашего Союза. С введением советской власти мы очутились перед такими важными моментами, как отмена крупной собственности и переход на социалистическое хозяйство, государственные налоги и пр[очие] государственные мероприятия. Эти явления вызывают в жизни большие изменения в обычном праве, вернее новое обычное право, вроде раздела имущества между членами семьи, спешного и вынужденного раздела и пр. Все это нужно изучить для того, чтобы оказать помощь государству и населению.

Затем момент освобождения женщин. Здесь тоже мы имеем перелом в быту, при котором возникают новые, доселе небывалые социальные взаимоотношения.

Такое явление, как пионеротряды, тоже требует изучения.

Когда мы зададим себе вопрос, нашли ли все эти новые (л. 319) явления отражение в этнологической литературе, то мы должны будем ответить: безусловно, нет.

Теперь мне хочется отметить следующее: тов. Маторин совершенно как бы одобрил сегодня тов. Аптекаря. Таким образом, нужно согласиться с выводом, который говорит нам, что этнология — ненужная наука, и в то же время сказать, что нужно работать в поле. Как же это понимать? Как можно не быть научным этнологом и работать в этнографической области? Затем дальше тов. Маторин указал, что марксизм проникает в гущу этнологии. А тов. Аптекарь говорит, что нужно изъять из круга этнологических вопросов изучение религии. Это недопустимое явление. Один из выступающих товарищей указал, как нельзя отрывать изучение религиозных форм древнейших формаций от производственных процессов, от материальной культуры, так как они тесно связаны.

Мне кажется наиболее целесообразным введение в гущу этнографии целого ряда других моментов, как, например, проведение в ряды этнологов молодого кадра, переподготовка работающих этнологов в марксистском отношении и пр.

(л. 320) У нас прения разбились на два полюса: с одной стороны, прения и самый доклад по полевой работе этнографа является программным докладом о том, что есть этнология, с другой стороны, прения решали чисто практический вопрос о том, сколько фунтов крови нужно скормить или сколько написать томов маршрутной работы, как говорил тов. Толстов.

Вопрос не в этом. Вл[адимир] Г[ерманович] сказал, что за 10 лет мы больше узнаем, чем за 3 месяца. Вопрос в том, какова целевая установка работы маршрута и работы стационара. Я думаю, что по целевой установке и надо различать эти две методики. Если подходить к такой задаче, как ее ставит классическая работа по маршруту, например, книги Б. А. Куфтина об одежде, то увидим, что для изучения одной женской одежды, несомненно, нужен маршрутный метод работы. В то же время если мы будем брать иную задачу, если будем говорить не об изучении какого-нибудь отдельного этнографического явления и будем брать культурный комплекс в целом, будем брать этнографическое явление как часть культурного комплекса, то мы не сможем действовать маршрутным методом, а обязаны перейти к методике стационара. Тут мы упираемся в вопрос о том, что нужно понимать под этнологией. Совершенно нелогичной будет для москвичей проповедь методики маршрутной, так как москвичи принадлежат к исторической школе, если утверждать, что между этнографией и историей нет никакой разницы, что наша наука — этнография или этнология — является только частью истории, то, понятно, ее можно изучать только маршрутно, и логически был прав тов. Токарев, говоря, что полевая работа не играет большой роли, но стоя на точке зрения того, что этнография является отличной от истории наукой, что этнография имеет свои собственные методы и свою собственную установку, мы должны будем говорить о стационарном методе, и мне кажется, что для этого нужно прежде всего формулировать, что я понимаю под этнологией. Это неизбежно. Я считаю, что этнология отличается как от истории, так и от социологии. В то время как социология занимается общими проблемами человеческого общества в целом и законами его развития, под историей понимается изучение фактической жизни какого-нибудь отдельного человеческого общества.

(л. 321) Я беру в марксистском понимании, но подчеркивая отдельные группы, будь то этнические или государственные, но связанные единым хозяйственным процессом. История занимается изучением фактической жизни данной группы. Этнография занимается изучением процессов творчества, законами развития этой группы, но, в отличие от социологии, она занимается конкретными проявлениями в развитии надстройки над базисом. Для этнологии безразлично, чем заниматься: происхождением ли галстука или мифом о непорочном зачатии. Важно не чем, а как, каким методом. Я не хочу сказать, что надо отмежевываться от науки исторического материализма, но надо брать его в особом аспекте и преломлении. Этнография сама доходит до метода исторического материализма.

(л. 322) **Никольский**

К сожалению, уже очень поздно, и у меня недостаточно времени, чтобы высказаться подробно обо всем. У нас на конференции начинается

воцаряться какой-то хаос, и очень трудно собрать мысли в известном порядке и направить по нужному направлению. Нельзя выбрать центральное звено, по которому можно было бы ударить, потому что звеньев много и все они равно непрочно сделаны.

Здесь говорили о человеке с дубинкой. Мне кажется, что тов. Аптекарь, в сущности говоря, не является этой дубинкой, а персонификацией ее. Дубинка же — это теория диалектического материализма. Куда ее ни направить, всякое иное мнение окажется маслом, сквозь которое нож свободно проходит и режет по инерции, направо и налево.

Я в полемику вступать не буду и ругать постараюсь анонимно, чтобы не было обид. Мне кажется, мы должны отказаться от путей, которые все-таки никакая дубина не пробилла, и пойти по новым путям.

В самом деле, по зале уже гуляет карикатура одного автора, не художника-специалиста, который изображает организацию нынешней конференции в таком свете. Уже при самой организации ее была дана гармония, паритет, во-первых, возрастной (это, должно быть, пережиток тотемического общества) и, во-вторых, паритет Ленинграда и Москвы (это от феодальной формации); и затем в процессе прений, особенно сегодня, когда мы подошли к практике, всплыл новый паритет, или, иначе, всплыли новые «диалектические противоречия», которые художник изобразил в виде городского кота и полевой мыши. Это эмблема городской этнологии и полевой этнографии, причем город можно подразделить на две группы: кабинетную (это, по-видимому, такие, как я) и музейную. По этим линиям, по всем этим направлениям и идет борьба.

Затем есть карикатура по поводу ареалов. Эта карикатура делит, правда, неправильно с лингвистической точки зрения, слово «ареал» на а-реаль (без-реальность). (л. 323) Эта «безреальность» опутывает наши умы, и в этом весь ужас. Ведь что мы имеем? Когда ругали так называемых полевых этнографов (сюда по большей части попали ленинградцы), москвичи (те городские), они повеселели, а дальше, когда дубина Аптекаря ударила по кабинетчикам и музейщикам, полевые повеселели: двинемся собирать материал, сам Аптекарь признал нашу работу нужной и полезной. Но не нужно думать, что здесь возможна такая идиллия. Я тоже считаю, что нужно работать и в кабинетах, и в музеях, и в полях, и в лесах, но весь вопрос в том, что при работе нужна теория.

Я вполне согласен с Вл[адимиром] Герм[ановичем], что надо понимать то, что изучаешь. В области теории у нас очень много туманностей, но, как во всех туманностях, здесь есть отведенные ядра.

Пусть Борис Алекс[еевич] разрешит мне коснуться его терминологии. Я считаю, что понятие «раса» у него прекрасно. Все марксисты-диалектики подпишутся под этим понятием. Нам нужна четкая теория, пусть хотя бы даже не марксистская. Но, к сожалению, ее нет, и надо в этих туманных

теориях выбирать золотые и серебряные нити, элементы марксизма. Тут раздаются требования: давайте нам марксизм, и не просто марксизм, а марксизм высшей марки, диалектический. А получается так, что самые простые вещи, те реальности, о которых правильно говорил Б[орис] М[атвеевич], у нас пропадают.

Мы говорили, что нет никакой практической этнографической работы без теории, нет никакой научной дисциплины без определенной установки. Мы послали приветствие в Москву. Мы кричим, что желаем быть марксистами первого сорта — диалектиками. Так давайте же учиться. Ведь невозможно сделаться марксистами за один день.

Я кончил в [19]16 г., и я еще не совсем марксист, недостаточно патентованный, но сознаю свои недостатки. Важно желание идти в этом направлении, и нужно подчеркнуть тремя чертами, что это желание должно претвориться в действие.

(л. 324) Я скажу о практике другой науки, которая, собственно, является моей основной специальностью — истории. Как я подходил к своей работе. Тут многие отмечали, что история и этнология — родственные, близкие, смежные науки. Но почему никто не говорил об истории хотя бы немного конкретнее? Я беру конкретный факт, я специально работал в архиве, изучал московский мятеж 1648 г., Морозовский бунт. Во-первых, я собираю материал, причем начинаю с самого нового, с 1929 г., и спускаюсь как можно дальше вглубь, составляю библиографию. Этнографу для проникновения в жизнь самоедов нужно, во-первых, составить библиографию, предварительно ознакомиться с материалом, а после этого вы продельваете интерпретацию, затем критику, и, наконец, вы приступаете к конкретному изучению.

[Голос] с места

Хватит нас учить, мы не школьники.

Никольский

Ну что же, приходится кончать, так как время мое, вероятно, истекло.

(л. 325) *Прокофьев*

Мне кажется, что здесь произошло некоторое смешение в том отношении, что стационарный метод так резко сопоставляется с методом экспедиционным. Не в названии дело, но главное, о чем должен быть разговор, — это о том, что этнограф должен знать язык. Если он знает языки данной народности, ему позволителен экспедиционный метод, если языка не знает — экспедиционный метод непригоден. По этой линии нужно делать различие. Языковой метод есть основной принцип, который решает, можно ли применить экспедиционный метод или нельзя. Что касается того, что

должен этнограф знать язык или нет, то тов. Яковлев говорил, что немного надо знать, а дело лингвиста — изучать морфологию и т.д. Этот взгляд непозволителен. Этнограф без солидного знания языка не есть этнограф. Ему необходимо знать фонетику и морфологию. Могу привести такой пример: тов. Кастрен, очень видный и солидный лингвист, допускал много ошибок, потому что не экскурсионно и не стационарно изучал язык. Между прочим, из области мне близкой, из остяко-самоедского языка, у Кастрена в словаре вы найдете такой перевод: «глиняный человек». Я даю другую терминологию, у меня получается «лесной человек». Дело в том, что Кастрен недостаточно четко записал, спутал два слова, одинаково звучащие. Одно слово — «лес», другое — «глина». В именительном падеже это слово не встречается. Форму именительного падежа можно выявить, изучая практически язык и изучая морфологию, и нужно сказать, что никакой переводчик здесь не поможет.

Перехожу к дальнейшему пункту относительно тезисов В[ладимира] Г[ермановича]. Первый тезис о том, что «в условиях СССР полевая этнография, вернее полевая работа этнографа, должна сочетаться с культурной общественной работой». Здесь тов. Куфтин, Лядов выступали в сомнении: как быть, административная работа должна, несомненно, мешать научно-исследовательской работе. Я должен дать пояснение, поскольку сам три года был на административной работе среди самоедов и в то же время изучал их с точки зрения этнографа. Административная работа сама по себе нисколько не препятствует исследовательской (л. 326) работе, правда, на этнографию иногда накладывается бухгалтерская работа, но это хорошо, поскольку не мешает. Сама культурная работа среди данной народности не только не мешает, а чрезвычайно способствует исследовательской научной работе. Давно пора покончить с хищническим, я бы сказал, подходом к туземцам: приехать на два месяца и затем уехать, обещаем прислать фотографии и не делаем этого. Это было позволительно до революции, но сейчас с этим надо покончить. Наша обязанность — нести туземцам культуру, и только от нас, этнографов, можно этого ждать. Мы не должны пребывать в той косности, в которой пребываем сейчас. И если товарищи говорят, что нам нужно торопиться, чтобы захватить все, что быстро исчезает и что необходимо для нашей науки, я хочу сказать: «Поезжайте, товарищи, на два года туда, там вы скоро достанете все необходимое».

В заключение я должен сказать, что именно путем культурной работы среди туземцев мы добываем то доверие, которое нам необходимо, и только этим путем мы его добьемся. Если нам говорят, что мы являемся азиатами, изучаем шаманство и применяем иезуитские методы, то мы можем сказать, что можно совместить то и другое. Это не азиатство, и мы должны совместить то и другое. Это не мешает друг другу. Дело в том, как подойти к туземцам и как это выполнить.

(л. 327) *Линевский*¹

Я взял слово по следующему поводу. С этой трибуны говорили не раз о кризисе в этнографии. Ясно каждому, что полевая работа является основным источником для собрания новых фактов. Следовательно, связь между полевыми методами этнографии и кризисом в этнографии как то не может не существовать.

Для меня лично не существует кризиса в этнографии нашего государства. Те миллионы, которые тратятся на экспедиции, содержание музеев и т.п., являются лучшим доказательством, что нет кризиса в обычном понимании этого слова. Ведь не приходится зависеть от капризов богатого мецената, что испытали в свое время присутствующие здесь старые этнографы. Деньги есть, людей пока хватает, материалов масса, возможностей неисчислимо много — в чем тогда кризис, непосредственно связанный с полевой работой?

Но тем не менее существует совершенно определенный кризис в советской этнографии. Отличие между этнографией вообще и советской этнографией, в точном смысле этого слова, по-моему, в том, что советская этнография мыслится и фактически может существовать только на принципе *do ut des*, то есть «даю, чтобы дал», по отношению к населению. Работа протекает на строго паритетных началах, этнограф собирает материал у населения, этнограф что-то дает населению. Этот принцип выполняется редко и почти исключительно «молодняком» в науке. Эта практическая неувязка с современностью непосредственно отражается на теоретической неувязке между этнографией и ее полевыми приемами, в частности с методом диалектического материализма.

Совещанию этнографов Москвы и Ленинграда нужно возвысить свой авторитетный голос, чтобы усилить формирование (л. 328) этнографов из туземцев самых глухих углов Сибири. Этой осенью начинается этнографическое отделение Ленинградского университета юкагир тов. Спиридонов². Много ли в Союзе этнографов с высшим образованием из подобных маленьких племен? Правда, теперь студенты тунгусского цикла, которыми руководит тов. Кошкин, каждое лето привозят из дальних мест по несколь-

¹ *Линевский Александр Михайлович* (1902–1985) — писатель, археолог, этнограф, заслуженный работник культуры Карельской АССР, лауреат Государственной премии Карельской АССР. Учился на этнографическом факультете Географического института Ленинграда. В 1929–1931 г. работал в Карельском краеведческом музее в Петрозаводске.

² По всей видимости, следует читать «оканчивает этнографическое отделение Ленинградского университета юкагир тов. Спиридонов». *Спиридонов Николай Иванович* (Тэжи Одулок) (1906–1938) — северовед, писатель, по национальности юкагир. Окончил ЛГУ в 1931 г., ученик В. Г. Тан-Богораза. Аспирант Института народов Севера, кандидат экономических наук (1934). В 1937 г. арестован, обвинен в работе на японскую разведку. В 1938 г. расстрелян.

ко наиболее одаренных ребят из тунгусов. Необходимо, чтобы администрация учреждений, подобных северному факультету, посылала бы на этноотделение наиболее способных товарищей. Может быть, они не обратятся в «чистых» (в кавычках) этнографов. Каждый полевой работник знает, что этнограф на местах и жнец, и швец, и на дуде игрец, но этого не знает тов. Аптекарь! В этом-то комплексе его разнообразных функций в деревне и рождается возможность работать на высоте современных общественных требований. Ибо тогда со всех сторон жизни этнограф может уловить корни изучаемого явления.

Другой корень кризиса — это нетерпимое положение с экспедициями, когда нередко они напоминают какие то «налеты» (в кавычках). Налетел человек на селение, и через 2–3 дня даешь новое селение! Ясно, что, возвратясь в город, работник не сможет обработать по-марксистски свой материал, потому что целый ряд социальных моментов окажется упущенным. И ему приходится на новый год совершать туда же, как чистосердечно говорится, для углубления и расширения материала. Итак, существует кризис не этнографии в Союзе, а советской этнографии. Одним из средств изживания этого кризиса считаю форсированную выработку этнографов из туземцев и прекращение мимолетных экспедиций.

(л. 329) *Серебряков*

Выступавший здесь тов. Никольский никак не мог разобраться в том хаосе, который имеется у нас на совещании. Мне кажется (а мне может казаться все что угодно, я являюсь студентом, изучающим как этнографию, так и марксизм, а потому прошу простить некоторые невольные ляпсусы), что у нас не имеется хаос, а, наоборот, определенная и четкая группа. Если выкинуть из выступлений тов. Аптекаря его непризнание этнографии как науки, то его можно отнести к тов. Маторину, который по существу ничем не отличается. Вся группа наших ленинградских этнографов присоединяется с некоторыми комментариями, которые внесены тов. Маториным к тому, что было предложено проф. Богоразом. У нас единая полевая школа этнографов, если можно говорить об этом, а приходится говорить, потому что Москва придерживается иного метода. Значит ли это, что мы не думаем о теоретических вопросах? Вот что тов. Никольский никак не мог разобрать. Мы не думаем, чтобы мы представляли из себя щупальца, а glavой мозга был тов. Преображенский. У нас собственные головы тоже есть. Тов. Маторин отмечал две задачи: первая — внедрение марксистской методологии в этнографию, которую мы ставим на данном совещании, и вторая — об увязке нашей этнографической работы с социалистическим строительством. Эти задачи поставлены и, насколько можно, разрешены в докладах тов. Маторина и проф. Богораза. Мы подытожили свою работу,

чего не видели в выступлениях московской школы. Однако это не значит, что московская школа не дала ничего ценного. У нее имеются ценные мысли, напр. у проф. Куфтина — внедрение марксистской методологии в этнографию, не в творчество отдельного работника, а в коллективе. Полевая работа неразрывно связана с научной исследовательской работой. Об этом говорил проф. Золотарев, чего мы у себя отчасти не чувствуем, и это нам необходимо сделать. Мы это знаем и сделаем, пожалуй, и без московских поучений.

Не может быть разреза по линии этнографического материала и его исследования. Это совершенно правильно. Некоторые, я не скажу, ошибки имеются у тов. Никольского в его книге, которая говорит, что полевой этнограф пусть работает в поле, а мы — насколько этнографическая работа достаточно специализировалась (л. 330), что требует своего особого специалиста и, конечно, кабинетного работника. Получается так, что здесь имеется разрыв, к этому именно как будто не присоединялись остальные докладчики. Проф. Никольский хотел немного поучить, как готовиться к полевой работе. Мы знаем, что то, что было предложено проф. Богоразом, не исчерпывает всего хода исследовательской работы. Стационарный метод не исчерпывает всего хода исследовательской работы, слагающейся из трех моментов: подготовка к полевой работе, знакомство со всей этнографической и смежной литературой, теоретическая оценка, знакомство со всем музейным материалом и теоретическое осмысление, дополнение и использование программы, осмысление стандартной программы, где имеется наметка предварительной работы. Эта предварительная работа должна быть проделана.

(л. 331) *Спиридонов*

Я, товарищи, может быть, не учту всех вопросов, которые здесь ставились, так как я не все дни присутствовал на конференции. Я хочу затронуть совершенно новый вопрос, который всплыл в последнее время, когда мы разбирали вопрос о спасении северо-восточных племен, которые в настоящее время находятся на стадии полного вымирания. Я прослушал здесь несколько ораторов, которые касались Севера (большинство же его даже не касалось). Тут говорили о методологии вообще, о подходе к исследовательской работе вообще, говорили в каком порядке нужно проводить исследовательскую работу, но совершенно упускали из виду положение той народности или среды, в которой должны происходить работы. Мой вопрос связан с племенами северо-востока Азии, с так называемыми палеоазиатскими народностями, как юкагиры, ламуты, чуванцы и др. Производственный подход, который вытекает из слов всех ораторов, в отношении этих северных народностей, не только перечисленных мною, но вообще северных народностей, не применим. Современные политико-

экономическими категориями для этих народностей совершенно неприемлемы. Эти категории, которые здесь разбирались, категории марксистские (вы не думайте, товарищи, что я отвергаю марксизм), эти марксистские категории и марксистский подход с точки зрения производственной совершенно неприменимы к тем народностям, у которых преобладающими видами является первобытный коммунизм, с которым появляющийся индивидуализм сочетается без всяких трений. Эти люди еще до сих пор живут в условиях каменного века, посуду им заменяет береста, до сих пор еще нет материй, а одежду заменяют шкуры зверей, перерабатываемые собственными руками и каменными орудиями. Ведь если я говорю, что они до сих пор не знают белья, до сих пор едят без соли и совершенно не знают хлеба, это не утка, а действительно существующий факт. И прав был Вл[адимир] Герм[анович], который на пленуме Комитета Севера в Москве сказал, что этнограф-исследователь, который едет работать в эти северные окраины, (л. 332) должен скормить два фунта крови туземным вшам, прежде чем понять жизнь туземцев. Может быть, вы рассердитесь, что я вас немножко задержу, но мне хочется высказаться до конца. Я являюсь представителем мест, там родившимся и выросшим, только лишь в вашем облике европейской культуры. Ведь я духовно и телесно самый истинный туземец, прибывший несколько месяцев назад для получения университетского образования. Товарищи, мы здесь живем в условиях советских, где развивается братство народов, где сильные духовно, организованные социально и обеспеченные материально должны помогать всем отсталым и угнетенным. И поэтому каждый из вас, цивилизованных людей, представителей советской культуры, который попадает в условия Севера, должен относиться к отсталым народностям не так, как относились до сих пор. До сих пор, когда научные исследователи приезжали на эти окраины, они считали себя большими людьми и не хотели вникнуть в жизнь туземцев. Примером в этом отношении, как надо работать, должен служить подход политических ссыльных. Они действительно скормили половину своей крови туземным вшам и блохам. А теперешние научные работники, попадающие туда, и в частности некоторые этнографы, такого подхода не имеют. Некоторые выступавшие здесь говорили: как же мы не должны мыться и т.д. Нет, этого не требуется, а нужно подходить к туземцу как к человеку. Туземцы до сих пор не верят. Они в каждом пришельце видят эксплуататора или, по крайней мере, того человека, который хочет отнять у них не только всю территорию, но и все богатство, пушнину, промыслы и т.д. Всякий приехавший туда всегда будет с бумагой и карандашом. А это самая опасная вещь для туземца. Туземец боится этого смертельно. Если для русского смерть представляется в виде скелета с косой, то для туземца самым страшным является тип большеногого человека с бумагой и карандашом.

Так вот, из этого вытекает следующее: всякий научный работник, исследователь и в особенности этнограф, должен стать активным строителем жизни. (л. 333) И только в процессе общественной работы, строительства жизни туземцев он должен производить свои научные работы. Только после этого добытый материал будет иметь ценность, а еще более он будет ценен тогда, когда пойдет в сторону улучшения жизни и спасения этих народов.

В этом отношении есть некоторые недочеты на местах. Центры окраин, областные или окружные, недостаточно внимательно относятся к приезжающим этнографам, а в большинстве случаев даже отрицательно. Они говорят: вот, действительно, мышь полевая пришла, которая роет и портит поле. Такое отношение является большим минусом в работе этнографа исследователя. Нужно добиться того, чтобы общественные организации на местах и прибывающие к ним смыкались теснее и чтобы они являлись союзниками в общей созидательной работе по поднятию культуры и жизни или даже по спасению этих народностей.

Я никак не могу допустить, что мы здесь строим быстрым темпом социализм, а там вымирают люди. Как это так? Я этот вопрос много раз задавал себе, задавал разным организациям, а теперь ставлю его перед вами. Вы ездите туда, собираете материалы, а для чего? Какая целевая установка у вас? Вы скажете, что мы изучаем. А для чего? Раз вы их все равно не спасаете от смерти.

Приходят десятки экспедиций, которые не только дезорганизуют ряды родовых организаций местных туземцев, но и забирают средства связи, оленей, лошадей, забирают продукты, которые туземцы добывают. Вы не обижайтесь, если я скажу, что некоторые члены экспедиций, научные работники, выманивают пушнину. Чего вы этим хотите добиться, неужели только за этим вы к нам едете?

Я вношу такое предложение (этот вопрос я разбирал уже со многими товарищами и во многих организациях, но пока он имеет только первичное осмысление): центры непременно должны взять шефство над этими вымирающими племенами. Нельзя допускать, чтобы здесь строился социализм, а там (л. 334) вымирали люди, которые находятся в одном с вами государстве, в одних с вами советских условиях. Вы здесь организуете всевозможные центры культурные и т.д., а там — ничего. Какой толк от десятков экспедиций, изучающих туземные богатства, если эти туземные, вымирающие племена не будут иметь от вас помощи? Я не жалею на эти экспедиции, а я хочу только, чтобы и вы в свою очередь подняли этот вопрос. На этом я кончаю. (*Аплодисменты.*)

(л. 335) *Акуляни*

Мне приходится говорить о вопросе, совершенно не затронутом здесь. Это вопрос об этнографическом картографировании, имеющий

актуальное значение среди задач по изучению народов нашего Союза и содружества. Как и все задачи этнографии, составление этнографических карт базируется на результатах тщательных исследовательских работ на местах, и только в последней стадии своего оформления, принимая технический характер, оно переносится в центры, где сосредоточены все сложные приспособления для издания всякого рода карт. В первой своей части, то есть в части собирания материала, эта работа в прошлом была поставлена в неудовлетворительные условия, при которых ее случайные исполнители не находились на должной высоте в отношении научной подготовки и сознательного отношения к делу. Так обстояло дело до сих пор, как в смысле исчерпывающей полноты списков названий населенных мест, так и в смысле точного транскрибирования этих названий. Между тем как от этого зависит многое. И если простое собирание названий является одной из программных задач так называемой полевой этнографии по части географического словаря, а их научное осмысление — кардинальным вопросом топонимических исследований, при громадном значении этих последних для целого ряда важных научных выводов об этнографических взаимоотношениях, каковы вопросы о происхождении, путях передвижения, иммиграции и эмиграции племен, их скрещенных взаимных воздействиях, порою даже хронологических моментах и т.п., то этим самым область работы по составлению этнографических карт является неотъемлемой частью этнологии, одновременно с этим и нашего советского строительства, следовательно, и одной из задач нашего совещания. Поэтому в программу наших полевых работ, как комплексных, так и специальных, надо включить вопросы о проверке, пополнении и уточнении, в форме правильного транскрибирования, названий населенных мест каждого соответственного района. Далее, имея в виду, что в настоящее время в результате Всесоюзной переписи 1926 г. имеется соответствующий новейший материал, опять-таки зарегистрированный более или менее случайными, в интересующем нас смысле, лицами (л. 336), причем значительная часть названий новых населенных пунктов не находится на существующих даже детальных картах, необходимо использовать на местах, в особенности на отдаленнейших окраинах, всякую возможность для перенесения на карту названий новых населенных мест с указанием их географического положения. И наконец, не упускать из виду в районах кочующих народов и племен — вопросы об установлении реальных условий кочевых движений в смысле разграничения понятий «кочевой» и «полукочевой» по точным бытовым формам и территориальным пределам движений, с обозначением одновременно главных путей постоянных передвижений, что весьма важно для этнографического картографирования, в особенности по способу дозиметрическому.

(л. 337) **Потанов**¹

Мои молодые годы и природная скромность не позволяли бы мне никогда выступить в столь почтенной аудитории, где собрались львы — этнографы, марксисты и историки, если бы в речах некоторых товарищей не прозвучали нотки неверия в возможности совместительства научной и культурной работы этнографа в поле. После выступления тов. Спиридонова и учитывая то, что я выступаю последний, я считаю, что подчеркнуть это особенно уместно.

Я объясняю отрицание культурной, научной работы в совместном проявлении в поле незнанием практической полевой работы или считаю, что такое отрицание является продуктом умственного досуга кабинетного работника. Трудно работать по обеим линиям. Это верно. Но работать возможно и нужно. Мы имеем ряд молодых работников, разбросанных по обширным окраинам нашего Советского Союза, которые ведут там культурную работу и даже публикуют свои материалы. Вы, вероятно, имели возможность просмотреть сборники, которые здесь продаются, и ряд фамилий на них, которые вам известны, принадлежат культурным работникам на местах. Те товарищи, которые упорно не хотели этого совместительства, которые доказывали его несостоятельность, они или служат интересам чистой науки (вы меня извините за несколько резкое выражение), или просто хотят отмежеваться от советского строительства на окраинах. Я как полевой работник, работавший в Алтае и Узбекистане, где выполнял работу по советскому строительству и где собирал научный материал, сошлюсь на такой факт: когда мне пришлось уехать сюда, чтобы закончить университет, мне это стоило больших усилий. Меня не пускали из Узбекистана, сравнительно обеспеченного научными работниками: настолько мы там нужны.

На нашем этнографическом отделении это обстоятельство уже частично учтено. Среди этнографов у нас введены специальные уклоны, которые, помимо чисто научной деятельности, готовят к практической работе. Я полагаю, что в будущем, при построении нашей новой школы, этому будет уделено должное внимание.

(л. 338) **Толстов**

Я хочу внести некоторую ясность, так как прения приняли неправильное направление. Здесь нужно констатировать следующий факт, который

¹ Потанов Леонид Павлович (1905–2000) — этнограф, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной (Сталинской) премии СССР, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Тувинской АССР. Крупнейший исследователь истории и культуры алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и некоторых других народов Южной Сибири. В 1928 г. окончил этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. В 1930 г. поступил в аспирантуру Академии наук.

я заметил после выступления тов. Спиридонова, а именно: что выступавшие московские этнографы работают на народностях Среднего Поволжья, в то время как ленинградские — на народностях Северной Азии. Поэтому оказалось, что тот практический метод, который является для народностей Северной Азии, оказался необходимым, приписать всей науке этнографической целиком. Характерно, что все выступавшие работали по народностям Сибири, в то время как наши работали по другим народностям и, в то же время приветствовали стационарный метод. Мне кажется, нельзя говорить, что стационарный метод есть начало и конец. Нужно сказать, что метод этнографического исследования должен быть дифференцирован в зависимости от района и объема изучения. Невозможно говорить, что единственно возможным путем изучения является изучение комплекса в целом. Вот конкретное положение, к которому совершенно определенно привели прения. Мы должны сказать в нашей резолюции, что значительной частью наших недостатков, которые имеются в нашей стационарной и экспедиционной работе, является отсутствие средств. Я думаю, что товарищи, которые настаивали на необходимости совместительства, занятия общественной должности, не учли данного момента. Невозможности поставить эту работу так, как она должна быть поставлена, чтобы этнограф занимался именно этнографией. Поэтому мы должны четко сказать, что для работы в тех районах, где необходимым является применение стационарного метода, необходимо выделение большого количества средств. После выступления тов. Спиридонова мы должны подчеркнуть государственную актуальность этого момента, но есть и другие проблемы. Для народов Среднего Поволжья метод исследования должен быть другой и задачи другие. Там ориентация должна быть на те государственные задачи, которые стоят в каждом районе.

(л. 339) *Куфтин*. Заключительное слово

Совершенно невозможно, конечно, дать исчерпывающий ответ на все вопросы, поставленные моими многочисленными оппонентами. Поэтому, может быть, наиболее правильным было бы указать на те тезисы, в которых выражены основные положения моего доклада и которые могут быть использованы для уяснения тех положений, которые я высказал. Тем более мне невозможно ответить на отдельные вопросы, что в некоторых случаях они касались лишь общей оценки моего доклада, вроде: хаотическая методология, непродуманные мысли и т.д. Я думаю, что это главным образом зависит не только от того, как построено, но и от того, как воспринято. Может быть, многие, ознакомившись в дальнейшем с тезисами, изменят свое мнение. Думаю, что, поскольку общие положения моего доклада были созданы не к данному собранию, а являлись результатом практики всей моей работы, преподавательской деятельности в университете, за ними

обеспечена все-таки некоторая солидность. Что касается положений, выдвигающихся непосредственно практическими задачами, то нужно сказать следующее: те положения, которые я развивал в практической части как один из содокладчиков по «задачам и методам полевой этнологии», эти положения были непосредственно связаны с тем, что доклад по стационарному методу был сделан Вл[адимиром] Герм[ановичем]. Именно ему, как лицу наиболее компетентному, работающему не только стационарным, но даже сверхстационарным методом, принадлежало право на развитие и обоснование этого метода. Таким образом, мне осталось обосновать другие возможные методы, которые я вовсе не считаю заменяющими стационарный метод или даже соперничающими с ним. Но, признавая стационарный метод, я не могу согласиться с Вл[адимиром] Герм[ановичем] в том, что метод экспедиционный не имеет ни методологической, ни даже практической ценности. Это совершенно неправильно. Экспедиционный метод мною выражен прежде всего как своеобразный метод экспедиционных исследований, увязанный (л. 340) с краеведной, местной работой. Эта сторона мною выдвинута потому, что она у Вл[адимира] Герм[ановича] была совершенно опущена или растворилась в общих положениях о том, что этнографический работник должен в то же время быть культурным работником. О краеведной исследовательской работе я прежде всего ставил вопрос как о работе культурной. Именно краевед является местным культурным работником. Всякий этнограф, который готовится к практической деятельности, получает этнографическую подготовку, он прежде всего может быть именно культурным работником, особенно в том случае, если он связан с данной национальностью или данной территорией. Конечно, это наиболее желательный, наиболее ценный культурный работник. Вопрос о том, возможна ли исследовательская работа вместе с культурной, решается именно развитием краеведной этнографии. Но в то же время я ставлю и тот вопрос, что, признавая возможность одного, нельзя отрицать другое. Работник, поставивший определенные этнографические задачи по тем или другим темам, по тем или иным формациям, в тех или других территориях, приезжающий из центра и опирающийся на краеведные силы, может добиться вполне определенного результата, и этот результат будет особенно велик в том случае, если исследователь будет работать сравнительным этнологическим методом. Стационарная работа является в высшей степени важной для проникновения в жизнь отдельных народностей, среди которых отдельный исследователь должен жить целые годы. Исследователь, который работает сравнительно-этнологическим методом, имеет возможность самой подготовкой своей (и это вовсе не шутка) познакомиться со всем окружением данной народности. В сущности говоря, нужно познакомиться с материальной культурой или другими институтами всего земного шара, чтобы быть сравнительным этнологом. Этнолог с такой подготовкой,

приезжая в определенную область даже на короткий срок, может получить в высшей степени ценные и необходимые результаты, каких местный краевед, как бы точно он ни знал язык группы, не может получить, (л. 341) просто их не заметив. Мы видели примеры того, как важно знать язык, так как язык вскрывает всю сущность этнографического объекта. Но в то же время нельзя понимать вещи так, как их понимает сам носитель, сам народ. Нужно понимать их в свете сравнительной широкой этнологии. Для этого необходима особая подготовка, и эта подготовка должна быть тесно связана с музеями.

Это я подчеркиваю особенно резко, поскольку у Влад[имира] Герман[овича] эта сторона совершенно отпала и даже прибрела карикатурные формы, так как музейная работа рассматривается с точки зрения простого собирания, искажающего объекты. Я подчеркиваю свой тезис, что музей есть не самостоятельное учреждение, которое служит этнологическим экспедициям, а музей является подсобным средством для этнологической работы, так как это есть один из наиболее ценных способов фиксации полевого материала. Когда говорят о фиксации полевого материала, то тут не столь ценной является записная книжка, сколько музей и затем легенды, привязанные к каждому предмету, которые хранятся в архиве. И вот таким образом зафиксированный этнологический объект есть настоящий материал, которым может воспользоваться этнолог, изучающий тот или иной вопрос кабинетно. Именно для этой линии, для этого разреза исследовательской работы и необходим более широкий экспедиционный метод. Я не буду входить в дальнейшие обоснования, которые хотя и кратко, но все же выражены в моих тезисах. Здесь я закончу тем, чем и закончил свои тезисы, а именно тем, что этнолог не должен быть оторванным от исследователей-специалистов других смежных областей: лингвистики, антропологии, археологии, поскольку каждая из этих дисциплин, в конце концов, связана с одной и той же методологической установкой и ведет к одной и той же цели.

Кстати, я скажу, что высказанное здесь мнение тов. Золотарева показывает, что он, как антрополог, не продумал того, что является действительным объектом антропологической науки. Заявляю, что проф. Бунак, антрополог школы Анучина, приближается в своем понимании антропологического объекта к тому, что я здесь высказал.

(л. 342) **Богораз.** Заключительное слово

Теперь очень поздно, все мы устали, и я устал так, что вначале мне казалось, наша точка зрения была оставлена четко, а теперь она как будто стала туманнее. Если взять эти две точки зрения: стационарный и долговременный и кратковременный метод, когда товарищи говорят, что мы можем вести работу иначе, то я хотел бы внести сюда поправку: если работа

ведется среди восточного славянства и русских, где язык нам известен, мы можем работу вести иначе. Среди славянских народов можно применить другой, более сокращенный метод, но когда здесь упоминают волжские народы, я позволю с этим не согласиться. Я сказал бы, что даже среди русских народов, в русских селениях необходим при более тщательном исследовании цикловой ход работы.

Раньше, когда тов. Куфтин говорит о кратковременном экспедиционном методе, я должен сделать оговорку, потому что в нас с поля, с полевой работы прозвучали некоторые довольно тревожные нотки, нотки о том, что нужно поехать в поле и надо захватить предметы музейные. Кажется, если исчезают люди, надо изучать их быт, культуру, которая погибает, те институты, которые исчезают. Было сказано, что культурную работу вести мы не можем, что мы наше время ценим очень дорого. Это есть плод недоразумения. Наша страна бедная, находится на переломе, мы строим культурную работу и научные методы, мы все ржаная, а не крупчатка¹, до крупчатки нам далеко. Я считаю, что этот вопрос надо поставить четко. Я считаю, мы должны заострить этот вопрос, потому что для нас необходимо поднять качество нашей этнографической работы, поставить ее на линию наибольшего сопротивления как в научной, так и культурной работе. Краткая экспедиция — легко проводимая вещь, особенно в Европейской России. Острием нашей резолюции мы должны поставить ту экспедицию, которая поднимает значение исследовательской работы, наше внутреннее самосознание — возможность делать экспедиции далекие по стационарному долговременному методу, чтобы государство пришло на помощь нашей культурной работе и чтобы не было таких ужасных выступлений, как выступление тов. Спиридонова, когда говорят что здесь строят социализм, а там вымирают люди. Наша культура должна быть в местах, чтобы такие факты были невозможны.

(л. 343) Я хочу сказать относительно программы. Здесь говорили, что я заострил внимание только в направлении форм и в направлении движений наших экспедиций, тем не менее мы работаем над методами. Эта программа разработана студентами в семинарии так, что здесь не хватает целых отделов: нет отдела искусства, музыки, потому что у нас за эти 5 лет все обилие материалов было проработано, но здесь все же есть целый ряд методологических подходов, например, что такое этнограф. Мы рассматриваем его как естествоиспытателя. Чем отличаются факты этнографические от зоологических, что такое индивидуальный факт и т.д.? Новый ряд технических вопросов ставит работу этнографа на степень точности естествоиспытателя. Я думаю, что только марксистский метод, который [мы] хотим ввести в этнографию, будет плодотворным, и тогда технические

¹ Крупчатка — сорт пшеничной муки, отличающийся значительной зернистостью.

подходы будут подходами естествоиспытательскими, когда мы сравнимся с ними в точности. Это одно из объяснений, которое я мог бы дать по поводу программы.

Тут были сделаны некоторые поправки по поводу моих тезисов. Их я принимаю, но некоторые заострил нарочно с полемическими целями, нужно было вывести вас из равновесия. Поэтому когда будем составлять резолюцию, мы их учтем.

Я вовсе не желаю отрицать другой метод, в частности в областях, более близких к центру, в областях восточнославянских культур. Это мы в резолюции должны оговорить, но то практическое, что должно выйти из нашего совещания, та резолюция, которая должна быть здесь, она должна указывать, что нам надо поднимать нашу науку на высшую ступень, нам нужно увеличить актив и белые пятна покрыть культурной научной работой. Для этого мы должны иметь необходимые средства, возможность широкой помощи государства и должны выразить свою готовность сделать усилие и преодолеть обилие преград и трудностей на нашем пути вперед, с надлежащей глубиной, как подобает ученым, гражданам, культурным работникам нашего великого Отечества.